

Татьяна Никандрова

Люби, но не рань

«Литнет»

2023

Никандрова Т. Ю.

Люби, но не рань / Т. Ю. Никандрова — «Литнет», 2023

Когда-то мы причинили друг другу много боли. Сбегая от чувств к сводному брату, я переехала в другую страну и научилась жить заново. Однако спустя годы обстоятельства вновь сталкивают нас. Он уже не тот задира-мажор, каким был раньше. Да и я повзрослела. Сможем ли мы справиться со старыми обидами? Или вновь встанем на тропу войны? Предыстория «Смотри, но не трогай»; История Ранеля Измайлова тут: # ВЫШЛА НА БУМАГЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ АСТ!

© Никандрова Т. Ю., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Пять с половиной лет спустя.

В парке Линденхоф по выходным всегда полно народу. А в ясный день найти свободную скамейку – целая проблема. Всем хочется понежиться на майском солнышке и полюбоваться необыкновенными видами на исторический центр Цюриха.

– Давай сядем туда, – Лиам утягивает меня в сторону каменного ограждения.

– А мы не свалимся? – хихикаю.

– Не бойся, Лера, – мое имя он произносит с характерным немецким акцентом. – Если что, я тебя поймаю.

Свешиваем ноги с двадцатиметровой высоты и провожаем взглядами проплывающие по реке туристические кораблики. Лиам достает из пакета упаковку еще теплого картофеля фри и протягивает мне. Мы давно хотели вот так выбраться: посидеть на природе и, никуда не спеша, поесть вкусных калорийных бургеров.

Макаю картофельную палочку в сырный соус и с ленивой улыбкой смотрю на распростертый передо мной город. Справа – двухбашенный Гроссмюнстер, на холме – родной альма-матер, в стенах которого я пять лет изучала прикладную математику, чуть дальше – гора Цюриберг.

Раньше я и предположить не могла, что буду чувствовать себя столь уютно в чужой стране. Но время идет, привычки меняются и то, что когда-то казалось нереальным, постепенно становится частью твоей повседневности.

Не скажу, что переезд в Швейцарию дался мне просто. Это было осознанным, но все же довольно спонтанным решением. В какой-то момент мои московские проблемы достигли критической точки, и я больше не могла жить по-прежнему. Не могла и не хотела.

Я бросила родную страну, престижный ВУЗ, семью, друзей – все, что было мне дорого, ради того, чтобы абстрагироваться от одного конкретного человека. От моего сводного брата, с которым нас связывает очень сложная и травматичная история отношений.

Восстановив здоровье после очередной жестокой выходки Тимура, я забрала документы из института, села в самолет и улетела в Швейцарию. Почему именно сюда? Если честно, я до сих пор не могу внятно сформулировать причину. Первоначально идею об учебе в Европе высказал Анвар Эльдарович. Он говорил о высоком уровне жизни, хорошей экологии, сильном образовании, и я вдохновилась его словами. Полазила в Интернете и выбрала высшую техническую школу Цюриха. Просто так. Потому что душа легла.

Первый год я готовилась к поступлению и усиленно учила немецкий. Обзаводилась друзьями, пропитывалась чужой культурой и залечивала старые раны. Три года бакалавриата пролетели как одно мгновение. Дальше – магистратура, совмещенная с работой. Было тяжело, но чертовски интересно.

Когда я получила должность стажера в крупной страховой компании, Анвар Эльдарович ругался, что я слишком себя перегружаю. Но мне не терпелось поскорее перейти на самообеспечение. Швейцария – очень дорогая страна. Даже по меркам Москвы питание и проживание здесь стоят баснословных денег. Конечно, для Анвара Эльдаровича с его миллиардными доходами это пустяки, но меня все равно снедала неловкость. Я больше трех лет висела на его шее! И это при том, что он мне даже не отец. В общем, мечта о самостоятельности давно маячила у меня на горизонте, и после окончания бакалавриата я решила, что наконец пришло время ее осуществить.

– Родители на выходных зовут к себе, – говорит Лиам, с аппетитом уминая Биг Мак. – Поедешь со мной?

Он уже не первый раз приглашает меня в свой родной дом, но я снова и снова нахожу отговорки. Как по мне, знакомство с родителями – это невероятно серьезный шаг. Серьезней только свадьбы и дети. Я пока не уверена, что мы с Лиамом готовы к новому этапу. Нашим отношениям чуть больше полугода, и все складывается замечательно. Нам весело друг с другом, комфортно. Да и секс просто божественный. Не хочу портить малину поспешными решениями. Пусть все развивается плавно и поступательно.

– Не получится, – качаю головой. – Ты же знаешь, я обещала помочь Алисии с переездом в субботу.

– Вот черт, она переезжает уже на этой неделе? – удивляется он.

– Да, арендодатель согласился подписать договор чуть раньше. Она на седьмом небе от счастья.

Алисия – моя близкая подруга, как и я, одержимая идеей самостоятельности. Поэтому долгожданное заселение в собственную однокомнатную квартирку для нее целое событие.

– Здорово. Может, тогда мы с Лео заедем к вам в воскресенье? Отметим новоселье? – парень заговорщически мне подмигивает.

– Отличная идея. Я спрошу у Алисии, но, думаю, она будет не против.

Лиам по-джентельменски уступает мне последнюю картофельную палочку, и я особенно долго смакую ее вкус на языке. Задираю голову к солнцу и вдруг слышу, как в сумке неумно вибрирует мобильник.

– Привет, мамуль, – весело бросаю я, отряхнув пальцы и приложив трубку к уху. – Как дела?

– Ой, Лер... Неважно, – голос у родительницы траурный.

– Что такое? – мигом настораживаюсь.

Она тяжело вздыхает, будто собираясь с мыслями, а затем произносит:

– Помнишь, я говорила, что Анвар в последнее время часто жалуется на боль в животе?

– Да. Я еще советовала поскорее обратиться к врачам.

– Ну, в общем, он обратился.

– И что? – выдаю с нетерпением.

Внутри, подобно промокшей фанере, разбухает дурное предчувствие.

– Рак желчного пузыря, – отвечает она. – Четвертая стадия.

Повисает порожденная шоком тишина. Мама тихонько шмыгает носом, а я пытаюсь осознать смысл услышанного.

– Четвертая – это...

– Самая последняя, – родительница предугадывает мой вопрос. – Прогнозы неутешительные.

– Насколько неутешительные? – чувствую, как пальцы, сжимающие трубку, начинают дрожать.

– Врачи говорят, что Анвару осталось от месяца до полугода.

Но последнем слове мама не выдерживает. Ее голос срывается и превращается в горькие жалобные всхлипы.

– Мамочка, пожалуйста, не плачь, – прошу я, хотя у самой глаза на мокром месте. – Наверняка еще не все потеряно... Может, можно прооперировать? Вырезать эту опухоль?

Сидящий рядом Лиам замечает мою тревогу и шепотом интересуется, что случилось, но я лишь отмахиваюсь от него.

– Там уже метастазы повсюду, – говорит она сквозь слезы. – Неоперабельно.

– Боже мой...

Снова замолкаю не в силах примириться с неизбежностью. Как же так? Анвар Эльдарович ведь совсем еще не старый. Ему чуть за шестьдесят. Ему рано умирать. Слишком рано!

– Лер, мне так плохо... Неужели и второго мужа придется хоронить?

Сердце сжимается от жалости и сострадания. Как обидно, что я не рядом! Так бы обняла ее, утешила... А сейчас мне остается лишь подбирать правильные слова, которые, если честно, ни черта не подбираются. В голове бардак. Мысли не слушаются.

– Мам, держись! – прошу я, до боли в ладонях стискивая трубку. – Держись, пожалуйста! Тебе надо быть сильной, слышишь? Не ради себя, ради Анвара Эльдаровича!

– Да-да, я понимаю, Лер... Все понимаю, – она делает глубокий вдох, пытаясь справиться с рыданиями.

– А как он сам? – спрашиваю тихо.

– Храбрится. Говорит, что прожил хорошую жизнь...

Не показывать свои страхи – это так типично для мужчин.

– Он молодец.

– Да...

– Мам, мне, наверное, стоит приехать?

– Если сможешь...

Родительница ни на чем не настаивает, но я нутром чую, что ей это нужно. Да и не только ей, мне – тоже. Я многим обязана Анвару Эльдаровичу, поэтому прилететь и поддержать его – мой моральный долг.

– Хорошо, мам. Я сейчас же позвоню на работу и договорюсь насчет отпуска. А потом начну искать авиабилеты.

– Спасибо, дочь. Я тебя очень жду.

Глава 2

Пристегиваю ремень безопасности и смотрю в иллюминатор. Волнуюсь. Вовсе не потому, что самолет, двигаясь по взлетной полосе, стремительно набирает скорость. А от предвкушения встречи с родиной.

За минувшие пять с половиной лет я ни разу не была в России. Не потому, что совсем не тянуло... Скорее так: особой нужды не было. Мама с Анваром Эльдаровичем регулярно путешествовали по Европе, и я часто присоединялась к ним. Со школьной подругой Васей Солнцовой мы пару раз организовывали совместный отпуск. Сначала ездили на Ибицу, потом на Майорку. Бабуля сама дважды навещала меня в Цюрихе. В общем, с близкими людьми мой контакт не прерывался, поэтому прилетать в Россию мне было вроде как без надобности.

Но сейчас совсем другое дело. Анвар Эльдарович серьезно болен. Кто знает, может, это мой последний шанс увидеть его живым? Думать о его тяжелом недуге страшно и больно, но я уже не в том возрасте, чтобы прятать голову в песок. Как бы мне ни хотелось верить в чудо, умом я понимаю, что рак на последней стадии – это смертельный приговор.

Весь полет проходит в размышлениях о прошлой жизни, в которую мне в скором времени предстоит окунуться. Книга, лежащая у меня на коленях, так и остается нераскрытой до самого момента посадки. Подозреваю, взяться за нее у меня теперь получится только на обратном пути.

Поправив на плече дамскую сумку, я прощаюсь с вежливо улыбающейся стюардессой и покидаю самолет. Благо, без очередей и давки: немногочисленных пассажиров бизнес-класса выпускают в первую очередь.

Паспортный контроль, получение багажа – и вот я уже озираюсь по сторонам в поисках Бориса, который, по заверениям мамы, должен меня встретить. Раньше Борис был моим личным водителем, и мы неплохо ладили. Будет здорово увидеть его вновь. Я даже гостинец для него приготовила: швейцарский шоколад и марципановые пряники.

Кручу головой туда-сюда, но знакомого лица нигде не наблюдаю. Надеюсь, Борис про меня не забыл? Мне, конечно, несложно доехать до дома на такси, но раз мама с ним договорила, полагаю, надо ждать.

Спустя десять минут и пару кругов по залу аэропорта я звоню родительнице, чтобы прояснить ситуацию, но она не берет трубку. Пробую отыскать в списке контактов номер самого Бориса, когда внезапно совсем рядом раздается до боли знакомый голос.

Низкий. Жесткий. С будоражащей нервы хрипотцой.

– Привет.

Вскинув взгляд, вздрагиваю и чуть не роняю на пол пакет с шоколадом и пряниками. Огромное пространство аэропорта с его шумом и возней вмиг перестает существовать. Мое внимание сужается до размеров маленького круга, в центре которого лицо Тимура Алаева и его обжигающие карие глаза.

– Ты? – вылетает из меня прежде, чем я успеваю взять эмоции под контроль.

– Я, – подтверждает сухо. – Помочь с багажом?

С этими словами он ловко выдвигает телескопическую ручку моего чемодана и уверенной царской походкой устремляется к выходу.

Пару секунд стою на месте, пребывая в дичайшем шоке от происходящего. Я не сплю? Передо мной действительно мой ненавистный сводный брат? Человек, который много лет назад превратил мою жизнь в ад? Главная причина моего побега?

Уму не постижимо... Неужели мама не могла подыскать другую кандидатуру на роль встречающего?!

Не оборачиваясь, Тимур минует автоматические раздвижные двери, и до меня вдруг доходит, что ждать он меня точно не станет. Уедет с моим чемоданом – и дело с концом.

Это же Алаев. Церемонии – не его конек.

Спохватившись, срываюсь с места и семеню следом. Сердце обезумевшей птицей сотрясает грудную клетку, к щекам приливает удушливый жар, а ладони покрываются липким потом.

Не так я представляла свое возвращение на родину!

Нет, само собой, я не питала иллюзий, что смогу избежать контакта с Тимуром вовсе. Нас как-никак «семейные» узы связывают. Но все же надеялась, что наша встреча будет короткой, мимолетной и уже точно не предполагающей совместного нахождения в замкнутом пространстве!

От аэропорта до дома минимум час езды! Как мне выдержать эту пытку?

Вылетаю на улицу и вижу, что Тимур помещает мой чемодан в багажник припаркованного у обочины внедорожника. Большого такого, солидного. Помнится, раньше Алаев гонял на пижонской Ламборгини. Неужто времена спортивных тачек прошли?

– Эй, парень! – к Тимур подлетает коренастый мужик лет сорока. – Тут тебе вообще-то не парковка! Ты проезд перекрыл!

Он шумно дышит и по-петушиному выпячивает грудь.

– Пошел нахрен, – абсолютно ровным тоном произносит Тимур, проходя мимо.

А потом, не удостоив взглядом ни меня, ни возмущенного мужика садится за руль.

Приблизившись к автомобилю, застываю в нерешительности: куда мне сесть? На заднее сидение или все же на переднее? С одной стороны, конечно, странно садиться назад, когда спереди свободно, но с другой – в присутствии Алаева мне делается так дурно, что хочется мимикрировать под окружающую среду и не отсвечивать.

Расположусь-ка лучше сзади.

Однако едва я успеваю распахнуть дверь, как слуха касается ироничное:

– Садись вперед. Я же тебе не извозчик.

Поджимаю губы и нехотя захлопываю дверь. Узнаю сводного братца – он, как всегда, воплощение красноречия.

Сажусь на пассажирское сидение и тут же щелкаю замком ремня безопасности. В прошлый раз, когда я ездила с Алаевым, забыла пристегнуться и в итоге чуть не лишилась носа. Поэтому сегодня предпочитаю не рисковать.

Под громкие сигналы клаксона все того же разъяренного мужика Тимур выворачивает руль и на удивление плавно трогается с места. На меня не смотрит. Разговор заводить не спешит. Так что я, пользуясь случаем, украдкой его разглядываю.

Гордая осанка, идеально очерченный профиль. Волевой подбородок с едва заметной ямкой посередине. Кипенно-белая рубашка обтягивает широкие плечи и развитые бицепсы. Черные классические брюки и добротный кожаный ремень завершают образ.

Алаев выглядит впечатляюще стильно и как-то очень по-взрослому. Смотря на него, сложно поверить, что раньше он носил драные джинсы и участвовал в уличных гонках. Сейчас он мало похож на мальчика-мажора из моих воспоминаний.

Наше молчание затягивается. И если Тимур, скорее всего, пофиг, то я чувствую нарастающее смятение. Наверное, глупо носить в себе обиды прошлого?

Пять лет ведь прошло...

За пять произошло множество событий. Мимо пронеслись тысячи ярких рассветов и ржавых закатов. Сотни разговоров, осевших в памяти и выветрившихся из нее. Случились десятки касаний – мимолетных и робких, напористых и страстных. Миллионы глубоких вдохов и рваных выдохов. Миллиарды сокращений сердца.

Несомненно, все изменилось. Мы оба теперь другие. И осколки юношеской драмы больше не должны нас ранить.

– Мама говорила, что меня Борис встретит, – произношу я, расправляя несуществующих складки на джинсах.

– Он не смог, – невозмутимо отвечает Тимур. – Поехал за главным онкологом. Тот должен отца лично осмотреть.

Упоминание о болезни Анвара Эльдаровича вновь заводит меня в тупик. По-хорошему нужно выразить Тимуру сочувствие, но я не знаю, уместно ли это в контексте его прохладных отношений с отцом. Мама упоминала, что они практически не общаются. После моего отъезда в Швейцарию Тимур полностью отказался от содержания и вроде бы даже съехал с квартиры, которую Анвар Эльдарович подарил ему на совершеннолетие.

– Последние новости очень печальные, – я все же решаю высказаться. – Жаль Анвара Эльдаровича. Он этого не заслужил.

– Никто не заслуживает болезней. Но такова жизнь.

Снова повисает тишина. Я не могу не уловить, что отныне от Тимура исходят совершенно иные вибрации. Он не источает ненависти, пренебрежения или агрессии. Алаев тотально спокоен. Причем видно, что это спокойствие не напускное. Я действительно не вызываю в нем прежних эмоций. Его больше не триггерит.

А меня?

Осмеливаюсь оторвать взгляд от своих колен и открыто перевести его на Тимура. В сознании вспыхивает шальная мысль, что он красив как дьявол, и я недовольно морщусь.

Блин... Меня, по-видимому, все еще цепляет. Пускай чуть-чуть, но все же.

– Как дела вообще? Как жизнь? – пробую задать нашему общению дружескую направленность.

Вместо ответа Алаев притормаживает на светофоре и оборачивается. По коже проходит не просто взгляд – прикосновение. Настолько это ярко, горячо и осязаемо. Крошечные волоски на теле встают дыбом, а сердечная мышца опять сбивается с заданного ритма.

Сглатываю. Пытаюсь улыбнуться.

Господи... Ну почему он так смотрит?

– Ты решила обнулиться? – слегка приподнимает бровь.

Какой догадливый.

– Мне кажется, так будет правильно, – киваю.

– Что ж, – выдерживает паузу. – Давай.

Он наконец отворачивается, и пружина внутри меня расслабляется.

Фух...

– Я слышала, у тебя свой бизнес? – продолжаю, собравшись с мыслями.

– Да, есть несколько направлений, которыми я занимаюсь.

– Например?

– Цементный завод. Фабрика по производству полиэтиленовых пакетов. Разработка мобильных приложений.

– Ого, – изумленно выдыхаю я. – Очень... Разнообразно.

Даже как-то завидно. Пока я грызла гранит науки и совершенствовала немецкий, Тимур зарабатывал деньги.

– У нас было более десяти стартапов. Наиболее успешно выстрелили именно эти.

– У кого – у вас?

– У меня и моих партнеров.

Партнеры. Звучит-то как... Солидно.

– Воу, полегче, бизнесмен, – усмехаюсь я. – Мы с тобой точно ровесники?

Тимур ничего не отвечает, но уголки его губ едва заметно дергаются вверх.

– Если честно, я поражена.

– Почему?

– Я думала, отказавшись от денег отца, ты, как и все, устроишься куда-нибудь по найму...

– У меня было наследство от матери. Оно-то и послужило стартовым капиталом.

Мое удивление увеличивается в геометрической прогрессии. Я понятия не имела, что у матери Тимура имелись собственные средства... Она тоже была богатой? Черт, я до сих пор непростительно мало знаю про их семью.

Постепенно напряжение улетучивается, и в какой-то момент я осознаю, что вполне себе непринужденно общаюсь с Алаевым. С тем самым парнем, который окрестил меня обидным прозвищем Лера-холера и вынудил пройти по универу в одном лишь нижнем белье!

Я и подумать не могла, что мы с ним сможем вот так вот запросто разговаривать... Без издевок, ядовитого сарказма и желания уколоть друг друга побольнее.

Выходит, мы действительно повзрослели. Хоть сами и не заметили этого.

Глава 3

Тимур подъезжает к дому, но мотор не глушит. Его длинные смуглые пальцы по-прежнему лежат на руле, а взгляд устремлен вперед. Лицо непроницаемо. На нем будто восковая маска застыла.

– Эм... Ты не зайдешь? – кошусь вопросительно.

– Нет, у меня много дел, – коротко качает головой. – Разгар рабочего дня.

– Понятно, – тяну в замешательстве и, распахнув дверь, спохватываюсь. – А чемодан мой дашь? Он в багажнике.

Алаев будто выныривает из оцепенения. Кивает и покидает салон автомобиля.

– Ну... – переминаюсь с ноги на ногу. – Спасибо, что довез.

Тимур ставит мой багаж на землю и снова окатывает меня взором, от которого вдоль позвоночного столба бегут предательские мурашки. Мне все еще неловко ощущать на себе его внимание. Роковые моменты прошлого навязчиво будоражат память и нервы.

– Не за что, – бросает холодно и направляется обратно в машину.

А меня не покидает чувство неправильности происходящего. Так странно: Тимур довез меня чуть ли не до порога, но сам зайти и поздороваться с умирающим отцом не соизволил. Неужели они совсем не общаются?

Дернув выдвижную ручку, качу чемодан по подъездной дорожке и, вскинув взгляд, оставившись у подножья лестницы. Я прожила в этом доме лишь пару месяцев, но при виде знакомого фасада и панорамных окон в груди что-то болезненно екает. То ли отголоски былых переживаний, то ли ностальгия.

– Всем привет! – кричу я, с порога извещая о своем прибытии.

– Иду-иду, – слышу мамин голос, доносящийся откуда-то с кухни. А затем – ее приближающиеся шаги.

Скидываю кеды и озираюсь. За пять лет тут почти ничего не изменилось. Все те же авангардные картины на стенах, ковровые дорожки на мраморном полу и раскидистые пальмы, расставленные по углам.

– Доченька! Наконец-то приехала! – мама с полотенцем, перекинутым через плечо, появляется на пороге.

Похудела. Волосы собраны в пучок на скорую руку. Во взгляде – усталость. Очевидно, болезнь Анвара Эльдаровича изматывает ее куда сильнее, чем я могла предположить.

– Здравствуй, мамуль!

Мы ловим друг друга в объятия и несколько мгновений не шевелимся. Растворяемся в нахлынувших эмоциях. Наслаждаемся долгожданной встречей.

Тяну носом родной мамин запах, а она ласково гладит меня по волосам. Прямо как в детстве.

– Как хорошо, что ты дома, Лер, – слышу ее тихий полусшепот.

– Я рада быть здесь. Очень-очень.

Наобнимавшись, мы проходим в столовую. Здравуюсь с домработницей, которая при виде меня ретируется и оставляет нас с родительницей наедине.

– Тимур не смог зайти? – спрашивает мама, извлекая из духовки какое-то ароматное блюдо.

– Нет, сказал, у него много дел.

– Ясно, – в ее вздохе слышится печаль.

– Он редко тут бывает? – осторожно прошупываю почву.

– Гораздо реже, чем нам хотелось бы, – она достает нож и принимается разрезать свой кулинарный изыск. – Лер, иди мой руки. Я мясо по-французски приготовила.

Ненадолго скрываюсь в ванной, а, вернувшись, продолжаю расспрос.

– Мам, неужто с тех пор Анвар Эльдарович с Тимуром так и не наладили контакт?

– Все сложнее, чем ты думаешь, дочь, – мама ставит передо мной тарелку и, усевшись напротив, подпирает кулаком щеку. – Ты ешь-ешь, а то остынет.

– И в чем же сложность? – не унимаюсь я.

Вооружаюсь вилок и кладу в рот небольшой кусок картошки. М-м-м, чертовски вкусно! Как же я отвыкла от маминой стряпни.

– Да ты в принципе и так все знаешь, – она опять тяжело вздыхает. – После твоего отъезда отношения Анвара и Тимура обострились. Мальчик отказался от содержания, от квартиры... Да вообще от всего. Несколько недель даже на связь не выходил. Анвар тогда был вне себя, нервничал ужасно...

– Но потом же они вновь начали общаться? Помнишь, ты говорила, они даже на какую-то конференцию вместе ездили...

– Да, начали, – кивает, но как-то удрученно. – Однако полноценным общением это не назовешь. Тимур отгораживается от нас, в личную жизнь не пускает, об успехах в бизнесе не рассказывает... Анвар о его делах только через общих знакомых и узнает.

– Но он же приезжает сюда? Разве нет?

– Приезжает примерно раз в месяц. Проводит здесь ровно полчаса и сбегает. Я думала, хоть сегодня подольше побудет...

– Ты поэтому его за мной в аэропорт отправила? – удивляюсь.

– В том числе... Но Борис и правда не успел бы тебя забрать. Планы внезапно поменялись.

– Мам, ну ты даешь, – я не обижаюсь, просто искренне не понимаю ее мотивов. – Ты что, забыла, как мы с Тимуром расстались? По-моему, мой приезд для него дополнительная причина не появляться в этом доме. Но никак не наоборот.

– Не знаю, – пожимает плечами. – Мне кажется, Тимур повзрослел и многое переосмыслил... По крайней мере, когда я попросила его встретить тебя в аэропорту, он сразу же согласился.

А вот это и впрямь неожиданно. Я думала, они Алаева чуть ли не с ножом у горла уговаривали, а он, оказывается, и не сопротивлялся вовсе...

– Что сказал главный онколог? – перевожу тему. – Тимур упоминал, что он должен был осмотреть Анвара Эльдаровича.

– Да, час назад ушел. Что сказал? – мамин голос становится тоньше и надламывается. – Да ничего нового, Лер, – она трет веки и всхлипывает. – Операция не поможет... Ничего уже не поможет...

Смотреть на ее боль собственными глазами – невыносимо. Не иметь ни малейшей возможности помочь – невыносимо в квадрате. Мне тоже хочется расплакаться и погрязнуть в отчаянии, но умом понимаю, что в данной ситуации из нас двоих быть сильной должна именно я. Я ведь как раз за этим сюда и приехала – подставить плечо и быть опорой.

Поэтому я просто протягиваю руку, ловлю трясущуюся мамину ладонь и легонечко ее сжимаю. Это безмолвное напоминание о том, что я рядом. Что я поддерживаю ее и люблю. Что на меня всегда можно рассчитывать.

– Мы справимся, мамуль, – приговариваю негромко. – Мы со всем справимся.

– Прости меня, Лер, – она утирает щеки, пытаясь успокоиться. – Я в последнее время сама не своя...

– Это стресс.

– Да, наверное, – мама делает глубокий вдох и смотрит на мою тарелку. – Ох, а ты совсем ничего не съела. Остыло, да? Давай подогрею.

– Не надо, все в порядке, – спешу заверить я и в доказательство отправляю в рот большой кусок запеканки. – Пальчики оближешь!

– Ну ладно... Чаю хочешь? Я себе, пожалуй, налью.

– Давай.

Мама поднимается из-за стола и принимается разливать заварку по чашкам. А потом внезапно замирает и, обернувшись, говорит:

– Лер, Анвар очень хотел тебя видеть. Зайдешь к нему после обеда?

– Да, конечно, – отзываюсь с готовностью. – Могу хоть сейчас подняться.

– Сейчас не надо, – родительница косится на часы. – Через двадцать минут у сиделки будет перерыв. Вот тогда вместе и пойдем.

– Хорошо, – соглашаюсь я и, помолчав, продолжаю мысль. – Мам, скажи... А у него сейчас какое состояние? Ну, то есть я понимаю, что неважное, но... Он разговаривает, да? И все понимает?

Возможно, мои вопросы звучат глупо, но я никогда прежде не сталкивалась с раком. Никогда не общалась с раковыми больными. Когда я в последний раз видела Анвара Эльдаровича, он был цветущим мужчиной. Поэтому сейчас я с трудом представляю, что меня ждет.

– С сознанием у него полный порядок, дочь, – мама ставит на стол две чашки на блюдцах и снова садится. – Общается он абсолютно нормально. Правда, быстро устает, и порой ему требуется время на восстановление сил.

– Понятно.

– Лер, я хочу тебя предупредить, – мама прокашливается так, будто пытается преодолеть неловкость. – Анвар будет говорить с тобой на довольно серьезные темы, и тебе следует реагировать правильно.

– В смысле? – напрягаюсь я.

– Не буду опережать события, Анвар сам все объяснит, – она сдувает со лба прядь волос и натянуто улыбается. – Просто пообещай, что выслушаешь постарайся понять. Это очень важно.

– Ладно, – отзываюсь растерянно. – Но ты меня пугаешь, мам.

Глава 4

Дверь распахивается, и я с трепещущим от волнения сердцем перешагиваю порог спальни Анвара Эльдаровича. Заметив меня, мужчина находит в себе силы откинуть одеяло и принять сидячее положение. Он делает это безумно медленно, но все же самостоятельно.

– Здравствуйте! Как вы себя чувствуете? – говорю нарочито бодро.

Старюсь не выдавать горечи, которая охватила меня, при виде его посеревшего осунувшегося лица.

– Терпимо, Лер. Терпимо.

На бескровных губах Анвара Эльдаровича появляется слабая улыбка, и он раскрывает руки мне навстречу. Наклонившись, обнимаю его и осторожно похлопываю по спине. Как же он исхудал! Проклятая болезнь все соки из него высосала!

Приветствие забирает у Анвара Эльдаровича последние силы, и он со вздохом откидывается на подушки.

– Милый, ну как ты? – мама бросается к нему и стискивает ладонь. – Лера пришла с тобой поговорить, но, если ты устал, она попозже зайдет.

– Нет, все нормально, – он закрывает глаза. – Лиля обезболивающее вколола.

– Хорошо, – мама поправляет его одеяло.

– Лиль, – мужчина обращается к молодой женщине, стоящей у окна. Судя по всему, сиделке. – Иди отдохни, чаю выпей. Мне с дочерью надо поговорить.

– Хорошо, Анвар Эльдарович, – отзывается та и тихо покидает комнату.

– Ну присаживайся, Лер. Чего стоишь? – он разлепляет веки и смотрит на меня.

Торопливо кивнув, опускаюсь в кресло. Эмоции переполняют. Хочется плакать, но усилием воли я удерживаю на лице маску благодушного спокойствия.

Он назвал меня дочерью. И это, черт возьми, значит очень много.

Родного отца я почти не помню. Да и вообще большую часть жизни прожила без мужского плеча. Поэтому, когда мама вышла замуж за Анвара Эльдаровича, я отнеслась к нему с настороженностью. Олигарх не внушал мне доверия.

Однако на деле мамин новый муж оказался приятным человеком. Своим положением в обществе он не кичился, деньгами – тоже. Анвар Эльдарович с теплом и любовью отнесся к маме и, как следствие, ко мне.

Пока я училась на бакалавриате, он очень помогал мне финансово. Оплачивал не только учебу и проживание, но и путешествия за границу. Возможно, люди его круга посчитают это мелочью, но я, как человек, выросший в среднестатистической неполной семье, безмерно ценю такую помощь. Понимаю ведь, что деньги на деревьях не растут и за каждым благосостоянием стоят годы упорного труда.

– Анвар, ты только не перенапрягайся, ладно? – тревожится мама. – Если устал, отдыхай. Лера никуда не торопится.

– Лиз, да успокойся ты уже, – отзывается мужчина. – И выйди, пожалуйста. Хочу поговорить с Лерой наедине.

– Что? – родительницу эта идея явно не радует. – Анвар, не говори глупостей. Я вам не помешаю, вот здесь, – указывает на диван, – тихонько посижу.

– Лиз, – повторяет он с нажимом.

В его тихом голосе слышатся стальные нотки. Те самые, что регулярно проскальзывали в речи раньше, когда он был здоров.

– Ладно, – нехотя соглашается мама, а потом поворачивается ко мне и одними губами произносит. – Если что, зови.

Родительница закрывает за собой дверь, а я фокусируюсь на Анваре Эльдаровиче, который снова закрыл глаз. Он не спешит начинать разговор, и я, естественно, его не тороплю. Молча разглядываю убранство комнаты и тщетно пытаюсь унять чересчур разошедшееся сердце.

– Жизнь скоротечна, не правда ли? – спустя, наверное, пару минут произносит мужчина.

– Да, – отвечаю неуверенно.

Я все никак не могу сообразить, о чем именно будет разговор.

– Но этого не ощущаешь, пока не окажешься на пограничье смерти.

– Анвар Эльдарович, ну зачем вы так? – вздыхаю. – Может, все еще обойдется...

– Я умираю, Лер. И имею достаточно смелости, чтобы это признать, – перебивает строго.

– Поэтому давай оставим кокетство и поговорим серьезно. Именно для этого я тебя пригласил.

– Хорошо, – покорно опускаю ресницы.

– Как ты знаешь, за годы жизни я сколотил довольно крупную компанию и внушительное состояние, – он делает небольшую паузу и продолжает. – Теперь передо мной стоит вопрос, кому передать свое наследие.

Напрягаюсь и распрямляю спину. Если честно, я очень боялась, что речь пойдет о деньгах. Но, кажется, именно о них Анвар Эльдарович и хочет поговорить.

– Я полагаю, этот вопрос не такой уж сложный, – робко отзываюсь я. – У вас ведь есть законный наследник. Думаю, именно ему и нужно все оставить.

– Да, разумеется, у меня есть сын, – мужчина выпускает протяжный ни то вздох, ни то стон. – Сын, который меня ненавидит и не хочет иметь со мной ничего общего.

– Ну что вы? Уверена, Тимур вас не ненавидит! – возражаю с жаром. – В любых отношениях бывают сложности и...

– Лерочка, я ценю, что ты пытаешься щадить мои чувства. Но сегодня давай без этого. Я очень быстро утомляюсь, а сказать мне нужно и вправду много, – Анвар Эльдарович хмурится. – Мои отношения с сыном разрушены, и в этом, несомненно, есть моя вина. Много моей вины. Дети вообще очень болезненно воспринимают фальшь, а такие максималисты, как Тимур, особенно.

– О какой фальши вы говорите? – не понимаю я.

– Его мать была прекрасным человеком. Чутким, тонким, талантливым. Я бесконечно уважал ее, безмерно ценил, – Анвар Эльдарович снова прикрывает веки и болезненно морщится. – Но я так и не смог полюбить ее как женщину. Так и не смог... И Тимур знал об этом.

– Но... Вы прожили в браке с Авророй Карловной много лет... Как вы можете такое говорить?

Услышанное никак не укладывается у меня в голове.

– История наших отношений банальна и совсем не делает мне чести. Аврора была дочерью крайне влиятельного человека и влюбилась в меня без памяти. А я был амбициозен и позволял себя любить. Мы поженились, и каждый из нас получил свое. Она – меня, а я – поддержку многоуважаемого Карла Леонидовича.

Откровения Анвара Эльдаровича звучат страшно. Аж холодок по коже. Теперь покойная мать Тимура, которая и прежде вызывала во мне благоговейный трепет, и вовсе видится мученицей. Какое же это невыносимое испытание – жить с любимым, но не любящим тебя мужчиной!

– Я в долгу перед Авророй, – немного помолчав, продолжает он. – Несмотря на то, что я был ужасным мужем, она до последнего оставалась хорошей женой. Она вообще была хорошей... Если рай существует, то Аврора сейчас точно там.

Перед глазами очень живо разворачивается семейная драма Алаевых, и я больше не могу бороться со слезами. Они бегут по щекам, достигают линии подбородка и срываются в пустоту.

– Но знаешь, что нас всегда объединяло? – слегка повернув голову на подушке, Анвар Эльдарович смотрит на меня. – Мы оба любили Тимура. Аврора – беззаветной материнской любовью, я – требовательной отцовской... Но если у меня имелась работа, на которую я мог отвлечься, то для Авроры наш сын был смыслом жизни и... Черт, – мужчина жмурится, и я с ужасом замечаю влагу, скопившуюся на его ресницах. – Она не простит мне, если я его окончательно потеряю, понимаешь? Не простит...

Анвар Эльдарович замолкает. Какое-то время мы сидим в тишине. Только тихое гудение увлажнителя воздуха напоминает о реальности.

– Вы не можете его потерять, – на этот раз я первая подаю голос. – Он же ваш сын. Вам просто нужно поговорить по душам...

– Он не разговаривает со мной, Лера. Женившись на твоей матери, я окончательно отвернул Тимура от себя. Я знаю, что поступил эгоистично, но мне так хотелось хотя бы немного пожить во взаимности... Однако сейчас речь не об этом, – мужчина прокашливается. – Она о том, что Тимур с высокой долей вероятности откажется от своей доли наследства, и меня такой расклад совершенно не устраивает.

– С чего вы взяли, что он откажется? – недоумеваю я. – И подождите... Доли? Что значит доли? Вы не планируете оставить ему все наследство целиком?

– Конечно, нет. У меня есть обязательства не только перед Тимуром. Часть денег я направлю на благотворительность, часть активов завещаю твоей маме, чтобы она ни в чем не нуждалась до конца жизни. Ну а самое главное – акции и доли в компаниях – я рассчитываю передать вам. Тебе и Тимуру.

– Мне?! – мое изумление настолько сильно, что вопрос звучит излишне громко. – А при чем тут вообще я, Анвар Эльдарович?

– При том, что ты мне не чужая, – отвечает просто. – И я вижу в тебе большой потенциал.

– Нет-нет, мне ничего не нужно, – усиленно мотаю головой. – Вы и так сделали для меня слишком много! Да и Тимур... Вряд ли ему понравится, что вы дарите часть его наследства мне... В прошлом у нас и так было немало конфликтов, помните? Нет-нет, не думаю, что это хорошая идея...

Анвар Эльдарович терпеливо дожидается, пока я выплесну свой шок в словесном потоке, а затем говорит:

– Лера, послушай. Я как человек, сколотивший свое состояние кровью и потом, очень хочу, чтобы оно не превратилось в прах. Я хочу, чтобы оно преумножалось, обогащая и вознося людей, которых я люблю. Мое решение не было спонтанным. Я очень тщательно все обдумал. И поэтому я прошу тебя принять мое предложение.

– Но зачем вам это? Не лучше ли оставить все Тимуру и...

– Как ты не поймешь, милая, он откажется! От денег, от акций, от управления моим бизнесом. Он уже отрекся от всего, от чего только мог, и наследство станет последним шагом.

– Я совсем запуталась, – тру ноющие от напряжения виски. – То есть, по-вашему, если часть наследства достанется мне, он передумает отказываться?

– Не совсем. Во-первых, пока Тимур будет пребывать в раздумьях, а он непременно будет, компания поживет под твоим управлением. Мне от этого спокойней. Во-вторых, зря ты думаешь, что твое участие может отвернуть Тимура от бизнеса. Я склонен считать, что все произойдет в точности наоборот.

Широко распахнув глаза смотрю на Анвара Эльдаровича и гадаю, он точно в своем уме? При всем моем уважении к этому человеку его доводы звучат как бред сумасшедшего. Узнав, что я в доле, Тимур проявит интерес к бизнесу? Ха! Смешно! Большого абсурда в жизни не слышала.

– Анвар Эльдарович, смею напомнить, что Тимур никогда не питал ко мне теплых чувств. Так что ваша теория, скорее всего, ошибочна.

– Лера, ты заставляешь меня прибегать к манипуляциям, – он закатывает глаза. – У меня четвертая стадия рака. Я умираю. И моя последняя воля заключается в том, чтобы ты стала моей наследницей. Неужели откажешь?

Такая формулировка вопроса ставит меня в тупик. Как тут отказать? Я ведь не изверг.

– Но я ведь... Я ведь даже не живу здесь! – цепляюсь за последний контраргумент. – У меня в Швейцарии работа... И квартира... И парень!

– Знаешь что? Давай ты немного подумаешь. Тебе ведь еще не завтра уезжать, верно?

– Нет...

– Ну и славно, – Анвар Эльдарович снова закрывает глаза, очевидно, собираясь с силами.

– Поразмысли. Взвесь все «за» и «против». А потом приходи с ответом, ладно?

– Анвар Эльдарович...

– Просто подумай, Лера, – настаивает он. По интонации я понимаю, что на этом разговор окончен. – И позови сиделку. Думаю, мне нужен еще один укол.

Прикусываю язык и поднимаюсь на ноги. Погрузившись в собственные переживания, я почти забыла, что все это время Анвар Эльдарович вел нашу беседу, преодолевая жуткую боль.

– Лера, – он окликает меня в дверях, – и пока ты здесь, займись, пожалуйста, моим благотворительным фондом. Мама передаст тебе всю информацию и контакты ответственных людей.

– Эм... Хорошо.

Покидаю комнату в полнейшем замешательстве. Я и предположить не могла, что беседа с Анваром Эльдаровичем будет настолько непростой.

И что она поставит под большой вопрос все мои прежние планы на будущее.

Глава 5

За время жизни в Швейцарии контакты почти со всеми прежними знакомыми оборвались. Исключением была лишь Вася Солнцева, моя давняя школьная подруга, с которой мы вместе пережили и первые влюбленности, и первые разочарования. Да что уж там... Мы даже первые лифчики вместе покупали! Сами понимаете, столь крепкие связи ни времени, ни расстоянию не подвластны.

А вот с институтскими друзьями все сложилось не так гладко. Первые месяцы после отъезда в Европу я периодически переписывалась с Дилярой, моей бывшей одногруппницей. Однако постепенно наше общение сошло на нет. Диляра мне нравилась, и у нас наверняка были все шансы стать по-настоящему близкими подругами, но тот факт, что мы проучились вместе всего лишь несколько месяцев, безусловно сыграл свою роль. Мы потерялись. Упустили друг друга из виду.

После серьезного разговора с Анваром Эльдаровичем становится ясно, что задержаться в России придется несколько дольше, чем я изначально планировала. Первым делом, сообщая об этом своей начальнице, фрау Хубер. Естественно, восторга она не испытывает, но все же милостливо соглашается продлить мой отпуск.

Разговор с Лиамом оказывается чуть сложнее. Парень очень расстраивается, когда узнает, что, вопреки моим первоначальным обещаниям, мы не увидимся на следующих выходных. Я стараюсь быть с ним максимально мягкой и во всех допустимых подробностях рассказываю, почему не смогу вернуться в Цюрих вовремя. В итоге Лиам меня понимает. Ну или, по крайней мере, делает вид, что понял.

– Какие планы на день? – интересуется мама, когда я, проснувшись, спускаюсь на первый этаж.

Стол накрыт на двоих. Анвар Эльдарович не в состоянии завтракать с нами в столовой. Еду ему носят наверх, в спальню, но питается он непростоительно мало. Его почти все время тошнит. Даже несмотря на прием противорвотных препаратов.

– С утра договорилась встретиться с Дилярой Зинатуллиной, – сажусь за стол и беру в руки вилку.

– С девочкой из твоего института?

– Да, я вчера ей написала, и она предложила увидеться.

По правде сказать, я очень рада, что она откликнулась. За пять с лишним лет столько воды утекло, но Диляра ответила сразу и общалась как ни в чем не бывало. Сказала, что у нее куча новостей и ей не терпится со мной поболтать.

– Отличная идея, – одобряет мама.

– А потом поеду в фонд Анвара Эльдаровича, – продолжаю я. – Знаешь, мам, я так удивлена, что у него есть собственный благотворительный фонд! Почему ты раньше ничего мне об этом не рассказывала?

– Анвар не стремится афишировать свои добрые дела, – на ее губах проступает улыбка. – Говорит, что для него благотворительность – это продолжение веры. А вера – вещь сугубо личная.

– Ого... Интересно.

– Помнится, пару лет назад был случай. Анвар пожертвовал крупную сумму денег одной картинной галерее. А потом на каком-то вечере директриса этой галереи поделилась со мной, что Анвар – единственный спонсор, который ничего не попросил взамен. Ни баннеров с его фамилией на здании, ни упоминания в торжественных речах, – мама говорит о своем муже с безграничной нежностью.

– Впечатляет.

Невольно пропитываюсь еще большим уважением к Анвару Эльдаровичу. Как это благородно – помогать не из жажды громких слов благодарности, а из искреннего стремления сделать мир чуточку лучше.

– Да, Анвар умеет удивлять. Глубина его личности безгранична, – мама вздыхает и направляет тоскливый взгляд в окно.

Видно, что мысль о скорой утрате любимого человека отравляет ее душу.

– Ты почти ничего не ешь, – подмечаю я, кивая на тарелку с едой, к которой она едва притронулась. – Уже который день подряд.

– Не могу, – качает головой. – Кусок в горло не лезет.

– Мам, тебе нужны силы. Не истязай себя. Этим ты ему не поможешь.

– Я понимаю, Лер...

– Поешь, пожалуйста. Хоть немного.

Мама снова вздыхает и покорно оправляет в рот небольшой кусок яичницы. Я улыбаюсь. Она отвечает мне тем же. Хоть и с вполне очевидным усилием.

Позавтракав, я привожу себя в порядок и вызываю такси. Мы с Дилярой договорились пересечься в кафе недалеко от центра, и я, признаться честно, немного нервничаю перед встречей. Соприкоснуться с прошлым всегда чуть-чуть волнительно. Особенно, когда еще пару дней назад ты не планировал превращать это самое прошлое в настоящее.

– Лерон, приветик!

Диляра подбегает ко мне сзади. Я, приехав первой, уже успела занять столик у окна.

– Привет!

Оборачиваюсь и тут же попадаю в ее крепкие объятия. Диляра ничуть не изменилась. По крайней мере, на первый взгляд. Все такая же симпатичная, яркая и доброжелательная.

– Ты классно выглядишь, – отстранившись, она проходит по мне оценивающим взглядом.

– Ты тоже! – отвечаю совершенно искренне. – Постриглась, да?

– Уже год с каре хожу, – озорно лохматит густые черные волосы. – А ты такая фигуристая стала! Прям загляденья!

– Поправилась на три килограмма, – говорю не без гордости.

– И, походу, они все пошли в грудь, – посмеивается она.

Обмениваясь шутивными комплиментами, мы делаем заказ и переходим к более глобальным темам.

– Ну, как жизнь? Как Швейцария? Правда, что там говорят аж на четырех языках? – Диляра смотрит на меня с неподдельным интересом.

– Да. И все четыре являются государственными.

– Ужас! Как тут не запутаться?

– Я хорошо владею только немецким, – пожимаю плечами. – Этого вполне хватает.

– Нашла себе какого-нибудь местного красавца?

– Да, его зовут Лиам. Двадцать девять лет. Банкир. Очень положительный парень, – благодарно киваю официанту, который принес нам кофе.

– У-у-у... Звучит лакомо, – Диляра мне подмигивает. – У вас все серьезно, да?

– Ну как тебе сказать... В целом, да. Но о свадьбе и совместном проживании пока не думали, – осторожно отпиваю горячий раф. – А у тебя как на личном фронте? Встречаешься с кем-нибудь?

– Не просто встречаюсь, а помолвлена, – она кокетливо выставляет вперед руку со здоровенным бриллиантом на безымянном пальце.

– О боже! Я сейчас ослепну! – выдаю со смехом. – Какая красота, Диляр! Поздравляю!

– Спасибо, – улыбается.

– И кто же счастливчик?

– Один парень, – отвечает уклончиво. – Ты его сегодня увидишь. Он заберет меня из кафе.

– Я заинтригована.

– Хочешь сумасшедшую новость? – Диляра играет бровями.

– Давай, – заинтригованно облакачиваюсь на стол.

– Я работаю на твоего сводного брата.

Пару секунд безмолвно тарашимся друг на друга. Диляра, улыбаясь, ждет моей реакции, а я часто-часто моргаю, пытаюсь отыскать утерянный дар речи.

– Что? То есть как... Ты? Ты работаешь на Тимура? – с горем пополам мне удается облечь свои сумбурные мысли в слова.

– Ага.

– Но как?.. Как так вышло?

– Ты разве не знаешь? У него довольно успешный бизнес.

– Да... Я слышала.

– Три года назад он предложил мне место в команде разработчиков. График был удобный да и оклад заманчивый... В общем, я согласилась. Ну с тех пор так и плывем в одной лодке.

– И что вы разрабатываете? – любопытно.

– Всекие мобильные приложения. Очень актуальная тема, между прочим! Недавно, например, мы запустили планировщик бюджета, который синхронизируется со всеми банковскими счетами пользователя. Это приложение очень удобно для планирования семейного бюджета, и уже в первые месяцы использования помогает сэкономить до тридцати процентов денег, а также сформировать подушку безопасности. Скажи, классно?

В глазах Диляры горит энтузиазм, а я с усилием сглатываю скопившуюся слюну.

– Да. Очень. Так, выходит, Тимур ваш... Как бы это сказать? Директор?

– Ну да, биг босс, – непринужденно отзывается Диляра, принимаясь за салат. – Он и Веник.

– Какой еще Веник?

– Ну Вениамин Шиманский, помнишь такого? Худой, немного нелепый. В институтские годы повсюду таскался за Алаевым.

– Смутно припоминаю.

– Он хоть и странноватый, наш Веник, но котелок у него варит отменно, – заверяет Диляра. – Короче, они с Алаевым скооперировались и организовали «Эпсилон». Это что-то вроде холдинга, там несколько разных направлений. Они, кстати, много наших к себе схантили. Полинка Дмитриева у них работает, Дима Обуховский.

– Надо же, – я медленно выхожу из оцепенения. – Вот уж действительно ошеломительные новости...

– А ты вообще про Тимура ничего не знала? Совсем не общались, да?

– После того, что он сделал? – ухмыляюсь. – Какое уж тут общение.

– Ты по-прежнему уверена, что это он запер тебя в той комнате?

– Ну а кто еще, Диль? Ты же помнишь, какие напряженные у нас были отношения.

– Да, но в тот вечер он так убедительно разыгрывал неведение... – тянет со вздохом. – Слушай, Лер, ты меня только не бей за то, что я скажу, ладно? Но сейчас Алаев вовсе не такой говнюк, каким был университете. Вполне адекватный мужик.

– Я знаю, – отвечаю с усмешкой. – В этот раз он мне тоже адекватным показался.

– Вы виделись? – ахает она.

– Да, он забирал меня из аэропорта.

– И как прошло?

– Да нормально, – пожимаю плечами. – Ровно и без эксцессов. Мы ведь уже не дети.

– Это верно, – отодвинув тарелку с салатом, Диляра переходит к роллам.

– А ты не знаешь, он по-прежнему с Вероникой Ланской встречается?

Стыдно признаться, но в последние дни этот вопрос навязчивой мухой кружится у меня в голове. Я не отважилась задать его маме или Анвару Эльдаровичу, но в разговоре с Дилярой он, вероятно, будет звучать не так неуместно.

– Боже! Нет, конечно! – она чуть не давится едой. – Там у них тако-о-ой скандалище был! Ты не слышала? Блин, ну, само собой, не слышала, ты тогда вообще из жизни выпала, – Диляра делает большой глоток слегка остывшего кофе и продолжает. – Я деталей не знаю, но ходили слухи, будто Алаев после того случая на вечеринке у Верещагина жестко Ланскую прессанул. Кто-то даже слышал, как они орали друг на друга. Она потом неделю по универу зареванная ходила, прикинь?

– Да ну?

Эта информация изрядно удивляет. Интересно, что же стало камнем преткновения сладкой парочки?

– Вот так, – подытоживает Диляра. – На этом они и расстались. И все последующие годы учебы делали вид, что незнакомы.

– Не могу сказать, что мне их жаль, – вставляю едко. – Ланская никогда мне не нравилась.

– Ну еще бы! Гадюка редкостная! – поддакивает она. – Его нынешняя подруга куда приятнее.

Ее последнее замечание оседает в душе горьковатым послевкусием. Нынешняя подруга. Почему мне неприятно это слышать? Ведь новость о том, что у Тимура есть девушка, вряд ли можно назвать неожиданностью. Скорее, даже наоборот. Ну не может молодой, привлекательный и успешный мужчина быть одинок. Это противоречит всем законам логики.

– А с кем он сейчас? – бросаю как можно безразличней.

Не хочу выказывать лишний интерес. Не дай бог Диляра решит, что я до сих пор неравнодушна к Алаеву. Во мне говорит банальное любопытство. Не более того.

– Со Стешей Сотниковой, – отвечает подруга. – Восходящая звезда телевидения. Учится на журфаке и ведет прогноз погоды.

– Вы общаетесь? – я без особого аппетита ковыряю свой десерт.

– Да не то чтобы. Просто болтаем время от времени. Она иногда забегает к нам в офис.

А Алаев – парень не промах. Сначала с дочкой замминистра шашни водит, потом с телеведущей.

– Понятно, – откладываю вилку и откидываюсь на спинку кресла. – В Москве, как я вижу, жизнь на месте не стоит. Столько событий.

Диляра снова принимается за рассказы о своей работе. Нельзя не заметить, как искренне она горит тем, что делает. За каждый проект прямо душой болеет. Как Алаеву удалось так ее замотивировать?

Спустя примерно полчаса она косится на телефон и с улыбкой произносит:

– Лерчик, мне пора. С удовольствием бы пообщалась с тобой еще, но за мной молодой человек с минуты на минуту должен подъехать, – смотрит в окно и приосанивается. – О! Вот, кстати, и он.

Перехватываю направление ее взгляда и пораженно роняю челюсть. Потому что прямо по направлению ко входу в кафе решительно приближается никто иной, как Никита Матвеев.

Мой бывший парень.

Мы расстались непосредственно перед моим отъездом из России. До сих пор помню нашу последнюю встречу: он пришел ко мне в больницу и сказал, что любит, но я не смогла ответить ему взаимностью. На тот момент мне уже стало ясно, что мои чувства к Никите ни во что серьезное не выльются. Это была симпатия. Но не более того.

– А вот и финальный сюрприз, – заметив выражение моего лица, вставляет Диляра. – Все не знала, как тебе сказать... Надеюсь, ты не злишься?

Если честно, я и сама толком не разберу, что чувствую. В груди бурлит смесь смятения, шока, растерянности и замешательства... Мы с Никитой не виделись много лет. Я улетела в Швейцарию, он остался здесь. Но мне и в голову не могло прийти, что наша новая встреча произойдет при *таких* обстоятельствах.

– Нет, – лепечу обескураженно. – Чего мне злиться?

– Ну не знаю... Он ведь твой бывший. А бывшие подруг – это вроде как табу, – негромко говорит Диляра. – Лер, я правда не хотела тебя как-то задеть или обидеть, просто... Просто в один момент нас с Никитой очень потянуло друг к другу... Ты была в другой стране, и я подумала, что в этом нет ничего такого, понимаешь? Мы решили попробовать, и... У нас получилось.

Ответить я не успеваю – у нашего столика останавливается Матвеев. Нагнувшись, он целует в щеку свою девушку, а потом поворачивается ко мне:

– Здравствуй, Лер.

– Привет, – выдавливаю с усилием и зачем-то добавляю. – Рада за вас.

Он изменился. Возмужал, окреп. А еще сделался совершенно чужим.

– Спасибо, – Никита усмехается, и за его коротким смешком я улавливаю неловкость.

Ну слава богу. Выходит, не я одна чувствую себя не в своей тарелке.

– Так, ну я тоже, пожалуй, пойду, – суетливо хватаюсь за сумку и извлекаю из нее несколько купюр.

– Ты сейчас куда? – спрашивает Диляра. – Если хочешь, мы можем тебя подвезти.

– Не стоит, – наверное, чересчур рьяно отказываюсь я. И чуть спокойней продолжаю. – Я на такси. Мне так проще.

Обнимаю Диляру, адресую прощальный кивок Никите и торопливо шествую прочь.

Что сказать? Москва снова не щадит моих чувств. Как и в первую мою попытку ее покорить. Что ни день, то новое потрясение.

Кажется, пора осваиваться медитативные практики и запастись волокордином.

Глава 6

Идет уже вторая неделя моего пребывания в Москве и, как ни прискорбно это признавать, с каждым днем Анвару Эльдаровичу становится только хуже. Он почти не ест, плохо спит и держится только благодаря уколам мощнейшего обезболивания.

Прямо на глазах этот некогда здоровый и энергичный мужчина превращается в бледную тень. Жизнь капля за каплей испаряется из его тела, и этот процесс невозможно остановить. Нам с мамой приходится смотреть, как он умирает, и глотать удушливые слезы бессилия.

Смерть коварна в любом случае. Но уж лучше, когда она наступает внезапно.

Дабы окончательно не провалиться в апатию, я, как и велел Анвар Эльдарович, дни напролет провожу в его благотворительном фонде под названием «Жизнь, культура и спорт». Директриса Валентина Андреевна любезно вводит меня в курс дела, рассказывая об организациях, проектах и людях, которым оказывается помощь. Это и международная ассоциация каратэ, и интернаты для слабовидящих детей, и многочисленные картинные галереи.

Оказывается, Анвар Эльдарович учредил фонд семь лет назад и за это время помог сотням тысяч людей реализовать, стать здоровее и образованнее. Он жертвовал на благотворительность баснословные суммы денег и при этом предпочитал оставаться в тени. Разумеется, в СМИ не раз просачивалась информация о его выдающейся деятельности, но о реальных масштабах оказываемой помощи не знал никто. Поэтому, покопавшись в отчетах фонда, я испытываю настоящий шок.

Я и подумать не могла, что живу бок о бок с одним из главных филантропов страны.

– Почему именно каратэ? – удивляюсь я, глядя на огромные цифры, направленные на поддержку этого вида спорта.

– Как-то Анвар Эльдарович признался, что в юности очень увлекался каратэ, – говорит Валентина Андреевна. – Так что, я думаю, это элементарное стремление человека сохранить в душе лучшие годы жизни. И, возможно, попытка таким образом ненадолго вернуться в молодость.

– Потрясающе, – восхищенно тяну я, листая страницы.

– Да, Анвар Эльдарович был потрясающим человеком, – соглашается женщина. – А вы, Валерия Романовна, значит, будете его преемницей?

Я вскидываю настороженный взгляд, и женщина поясняет:

– Я знаю о недуге Алаева. Он сам мне поведал. Сказал, что в ближайшее время придет того, кто его заменит. И вот к нам пришли вы.

В серых, необыкновенно добрых глазах Валентины Андреевы искрится надежда, и я смущенно отвечаю:

– Если честно, я пока не знаю, как сложится дальше... Наверное, еще рано об этом говорить.

– Я вас понимаю, – кивает она. – Просто мне бы очень хотелось, чтобы наш фонд продолжил существование. Ведь он несет так много света в этот затянутый мраком мир.

– Что правда, то правда, – отзываюсь тихо.

Стоит мне представить ребенка, которой благодаря дорогостоящей операции, спонсируемой фондом, наконец смог увидеть лица родителей, как в носослезных каналах тотчас ощущается характерный зуд. В последнее время я жутко сентиментальна.

– Валерия Романовна, вы в порядке? – тревожится Валентина Андреевна. – Я вас расстроила?

– Нет, все хорошо, – стряхиваю меланхолию и пытаюсь улыбнуться. – Просто я нахожусь под большим впечатлением. Вы стольким людям помогаете, столько жизней делаете лучше.

– Это заслуга Анвара Эльдаровича. Деньги-то его, – улыбается она. – А мы просто подыскивает интересные проекты и стараемся грамотно распределять финансирование. Но я скажу вам откровенно, быть причастной к благому делу чертовски приятно.

Как обычно, я засиживаюсь в фонде до вечера. Домой возвращаюсь в шестом часу и застаю на кухне зареванную мать. В столь сложное время слезы – привычное дело, но сегодня она кажется особенно печальной.

– Что такое, мамуль? – спрашиваю я, обнимая ее сзади.

– Сегодня вообще ничего не смог съесть, – всхлипывает она. – Три ложки в рот, и через секунду все обратно. Мне так жалко его, Лер. Так жалко!

Кладу подбородок на ее подрагивающие плечи и глубоко вдыхаю родной аромат. Родительница пахнет детством, паровыми котлетами и немного духами.

– Держись, мам, – прошу негромко. – Я рядом.

Через пару минут она берет себя в руки. Кормит меня ужином, а затем просит подняться к Анвару Эльдаровичу. Дескать, он хотел меня видеть.

Пока иду в его комнату, чувствую, как сосет под ложечкой. От страха, волнения и неопределенности. Я ведь до сих пор не приняла решение относительно будущего. До сих пор не знаю, что ответить, если Анвар Эльдарович вдруг снова поднимет вопрос о наследстве.

Поздоровавшись с сиделкой, опускаюсь в кресло и тихонько подаю голос:

– Анвар Эльдарович, это Лера. Вы меня звали?

Первые мгновения мужчина никак не реагирует. Может, он уснул и не слышит? Однако спустя секунд десять его веки вздрагивают и тяжело приоткрываются.

– Лерочка, – хрипит он, давая понять, что узнал. – Ты была в моем фонде?

– Да, была, – заверяю с жаром. – Я каждый день туда хожу.

– Хорошо. Очень хорошо, – он снова закрывает глаза. – Не бросай его, Лера. Это лучшее, что я когда-либо делал.

К горлу опять подкатывает. Сжимаю зубы и держусь.

– Я... Я не брошу, – вырывается помимо воли. – Не брошу, Анвар Эльдарович.

Он молчит. Не выдает никаких эмоций, но я и без того знаю, что он услышал мои слова. И они принесли ему успокоение.

Вот и все.

Я пообещала.

Отныне пути назад нет.

– Лера, мне уже недолго осталось, – после паузы Анвар Эльдарович продолжает разговор. – Позови ко мне Тимура. Пусть приедет. Пожалуйста. Я не могу умереть, не повидав сына.

– Разумеется. Я сегодня же ему позвоню.

– Позови Тимура, моего мальчика... Пусть приедет...

– Конечно, Анвар Эльдарович. Я...

– Мой сын, Тимур. Позови его, ладно? Позови...

Вопросительно кошусь на сиделку, но она лишь пожимает плечами. Мол, не обращай внимания, такое бывает.

– Я позову, – слегка повышаю голос и осторожно сжимаю ладонь Анвара Эльдаровича.

– Тимур скоро приедет. Он приедет, слышите? Совсем скоро.

– Хорошо, – в голосе больного слышится облегчение. – Позови его, Лерочка. Пусть потопится...

Из спальни Анвара Эльдаровича выхожу опустошенная до предела. Выпотрошенная, словно рыба на разделочной доске. Переносить собственную боль – мучительно. Наблюдать за болью близких – немногим легче.

Беру у мамы телефонный номер Тимура и дрожащими пальцами нажимаю кнопку вызова. Пока из динамика доносятся протяжные гудки, мое сердце напоминает гонщика. Так ускоряется, что аж дышать трудно. Аж ребра от напряжения ломит.

– Алло.

Сердце резко дает по тормозам. Спотыкается и, кажется, забывает биться дальше.

– Тимур, привет. Это Лера.

– Привет. Что-то случилось?

– Нет... То есть да, – прокашливаюсь. – Анвар Эльдарович просит тебя приехать. Как можно быстрее. Думаю, это срочно.

Какое-то время в трубке гудит тишина, и я уже начинаю бояться, что Тимур откажет. Но на пятой секунде он отмирает и сухо произносит:

– Понял. Скоро буду.

А потом звуки сброшенного вызова. Пип-пип-пип.

Глава 7

Яркий свет фар заливает двор. Тимур умело паркует свой внедорожник и, не мешкая, покидает салон. Приближаясь к дому, он бросает короткий взгляд в то самое окно, подле которого стою я. Невольно дергаюсь, пытаюсь прикрыться занавеской, а затем недовольно поджимаю губы.

Наверняка заметил. Глупо вышло.

Тимур приносит в дом аромат дорогого древесного парфюма и ауру непоколебимой решимости. В отличие от нас с мамой, он не выглядит потерянным или испуганным. Хладнокровен, серьезен, даже немного суров.

– Как отец? – спрашивает он, проходя мимо меня в гостевую ванную.

Дверь оставляет открытой. Включает воду и намыливает руки.

– Неважно, – признаюсь я, замороженно наблюдая за движениями его длинных пальцев.

– Толком ничего не ест. Разговаривает уже с трудом.

– Он сейчас с сиделкой? – вытирает ладони о полотенце.

– Да.

– Ладно, я пошел, – он направляется к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Тимур, – окликает его мама.

Парень притормаживает и нехотя поворачивает голову.

– Пожалуйста, будь с ним помягче, – просит она. – Кто знает, сколько еще осталось...

Тимур ничего не отвечает. Взбегает вверх по ступенькам и скрывается из виду.

Кутаясь в халаты, мы с мамой бредем на кухню, где в тишине пьем чай. Неловкости нет, просто порой разговоры бывают лишними. Мы обе погружены в свои мысли и хотим помолчать.

Я рада, что Тимур приехал практически сразу после моего звонка. Я опасалась, что он сошлется на занятость или позднее время и перенесет визит на завтра, но этого, к счастью, не произошло. Ведь вполне вероятно, что до завтра Анвар Эльдарович попросту не дотянет.

Спустя минут сорок на лестнице раздаются шаги. Мы с мамой переглядываемся и как по команде откладываем чашки. Очень волнительно. Все ли нормально прошло?

Тимур предстает перед нами, и в глаза тут же бросается его бледность. Сильная, почти мертвенная. Это очень странно, ведь от природы у Алаева смуглая кожа... А сейчас создается впечатление, будто из него все краски высосали. Даже по обыкновению яркий карий взгляд кажется каким-то потухшим. Словно на него черно-белый фильтр наложили.

– Тимур, все в порядке? – мама встревоженно подпрыгивает с места.

– Да, мы поговорили, – Алаев запускает пятерню в волосы и сжимает их у корней. – Он уснул.

Парень неплохо владеет собой, но все же нужно быть слепым, чтобы не заметить, как сильно он подавлен.

– Я проведаю Анвара, – говорит она. – А ты чаю выпей, в себя приди. Не садись за руль в таком состоянии.

– Да нормально все, – отмахивается Тимур, разворачиваясь по направлению к выходу. – Мне пора уже... Завтра с утра дел полно.

– Останься, пожалуйста, – тут уже подключаюсь я. – Хотя бы ненадолго.

Полностью солидарна с мамой: прежде, чем куда-то ехать, ему нужно успокоиться.

– Ладно, – помедлив всего секунду, он кивает и садится за стол.

Одарив меня одобрительным взглядом, родительница уходит к мужу, а я принимаю на себя роль хозяйки.

– Ты какой чай будешь? – копошусь в ящиках гарнитура. – Черный? Зеленый?

– Лучше кофе.

– Не поздновато для кофе? – оглядываюсь. – Не уснешь ведь...

– Плевать.

Тимур упирает локти в столешницу и, закрыв глаза, трет виски. Очевидно, сейчас он не в состоянии воспринимать благие советы, поэтому я оставляю свое мнение при себе. Молча варю ему кофе. Сахар и молоко не добавляю. Помнится, раньше он пил исключительной черной.

– Печенье? Конфеты? Или, может быть, ужинать хочешь?

– Ничего не надо. Спасибо.

Ставлю перед Алаевым чашку, и обонятельные рецепторы вновь улавливают его запах. В животе простреливает спазм, по ощущениям похожий на резкий выброс адреналина, и я спешу отодвинуться. Меня не на шутку пугают реакции собственного тела. Слишком уж они острые, слишком бурные...

Сажусь напротив и, сцепив руки в замок, наблюдаю за тем, как Тимур неспешно цедит кофе. Забавно, пять лет назад он бы ни за что не притронулся к напитку, который сварила я или моя мама, а сейчас вот пьет и даже не фыркает. Как все-таки время меняет людей.

– Я уже вторую неделю посещаю фонд Анвара Эльдаровича, – нарушаю затянувшееся безмолвие. – Ты знал, что он столько жертвует на благотворительность?

– Знал. Изначально это была мамина идея. А потом и отец проникся.

Почему-то я ни капли не удивлена. В очередной раз убеждаюсь, что Аврора Карловна была очень великодушной женщиной.

– Он так дорожит своим детищем.

– Еще бы, – кивает. – Отдающий без сожаления всегда получает.

– Какая интересная фраза, – задумчиво тяну я. – Со смыслом...

– Это не я сказал.

– А кто?

– Мураками.

– А, понятно.

Опускаю взгляд и принимаюсь рассматривать свои лежащие на столе пальцы. Почему я чувствую себя, как студентка с невыученными билетами на экзамене? Это так нелепо...

Соберись, Лера. И включи мозги.

– Как прошел разговор с Анваром Эльдаровичем? – снова подаю голос.

Я прекрасно осознаю, что это не мое дело, поэтому заранее готова к тому, что Тимур не захочет делиться. Но попробовать все же стоит. Нужно вывести его на открытый диалог, дабы обсудить все, что сказал мне Анвар Эльдарович. Про бизнес, про наследство, про будущее фонда... Я хочу знать, что на этот счет думает Алаев младший.

Вдруг это наша последняя возможность поговорить без свидетелей?

– Неплохо, – отзывается он.

Ответ, конечно, односложный, но, по крайней мере, я не нарвалась на грубость. Это хороший знак.

– Надеюсь, вам удалось примириться?

Алаев замирает. Его пронзительный взгляд останавливается на мне.

– Услышать правду – это одно, примириться с ней – совсем другое.

– Тимур, твой отец умирает, – говорю тихо, но твердо. – Сейчас не время для гордости.

– Согласен. Я бы очень хотел, чтобы сожаления были наделены силой исправлять ошибки прошлого, но, увы, это не так.

Какое-то время я молчу, обдумывая его слова, а затем отвечаю:

– Знаешь, ошибки прошлого ведь уже ничем не исправишь. Свершившийся факт по определению не подлежит коррекции. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока не изобрели

машину времени, – усмехаюсь. – Глобальный вопрос вовсе не в исправлении неисправимого, а в банальном облегчении души.

– И как же облегчить душу, Лер?

Тимур смотрит мне прямо в глаза. Внимательно. Пристально. Цепляя потаенные струны души.

– Прощением, – отвечаю просто.

– Прощением, – эхом повторяет он.

Взор Алаева покидает мое лицо и устремляется куда-то вдаль. В нем виднеются отблески тяжелых мрачных дум и еще что-то такое, глубокое и болезненное, чему я затрудняюсь дать определение.

– Тимур, ты же в курсе, что Анвар Эльдарович планирует передать мне часть наследства? – расхрабрившись, выпаливаю я. – Скажи честно, как ты к этому относишься?

– Положительно, – огорошивает он. – Думаю, ты станешь достойной продолжательницей его дела.

– Но ведь, по замыслу твоего отца, мы должны действовать вместе, – с нажимом на последнее слово говорю я. – Точнее даже так: продолжать его дело следует тебе, а я, вероятно, должна быть на подхвате. На меня он возложил заботу о фонде, на тебя...

– Лера, нет, – жестко обрубает Тимур, не дав мне договорить. – Я в этом не участвую. Точка.

– А как же твоя доля? – ошарашенно бегаю глазами по его лицу.

– Могу уступить ее тебе, – пожимает плечами. – Или тому же фонду. Мне без разницы.

– Но...

– Пожалуйста, хватит, – он утомленно потирает переносицу. – Сейчас я меньше всего на свете хочу говорить о деньгах моего отца.

– Прости... – пристыженно прикусываю язык.

Действительно, веду себя по-идиотски. Анвар Эльдарович еще жив, а я прицепилась к Тимур с расспросами о наследстве. До ужаса бестактно и невоспитанно.

Где мои манеры?

Видимо, улетучились под воздействием страха. Ведь я до чертиков боюсь будущего, полного неизвестности! Что случится потом, когда Анвара Эльдаровича не станет? Как я справлюсь с обязательствами, которые неизбежно свалятся на мою голову? И в бизнесе, и в благотворительности я ни в зуб ногой... Нет, разумеется, у меня есть приличное образование, но этого все равно мало! Теория – одно, практика – совершенно иное!

Господи, о чем думал Анвар Эльдарович, когда возлагал на меня такую колоссальную ответственность? Я же с ума сойду!

Выдохнув, беру себя в руки и киваю на опустевшую чашку Тимура:

– Еще кофе хочешь?

– Давай, – неожиданно соглашается он. – Выпью и поеду.

Снова подхожу к кофемашине, и за спиной раздается:

– Как жизнь в Цюрихе?

Я изумлена тем, что Тимур решил поинтересоваться моей жизнью, но вида не подаю.

– Замечательно. Мне там очень нравится.

– Встречаешься с кем-нибудь? – внезапный вопрос стрелой прилетает спину и мгновенно выбивает из душевного равновесия.

Портафильтр выскальзывает из рук, и молотый кофе рассыпается по столешнице.

Блин, ну что со мной такое?!

Чертыхнувшись, принимаюсь устранять беспорядок и как можно беспечней бросаю:

– Да, встречаюсь с одним парнем. А ты? – оборачиваюсь к нему с тряпкой в руках. – Состоишь с кем-нибудь в отношениях?

По неизвестным причинам ожидание ответа натягивает мои нервы, словно кучер повода.

– Мне сейчас не до отношений. Я весь в работе.

– А-а... Понятно, – блею я и тут же утыкаюсь взглядом в панель кофемашины.

Мама дорогая! Он соврал!

Диляра говорила, что Алаев встречается с телеведущей, и после этого я пробила ее в соцсетях. Без какого-либо умысла, любопытства ради... Так вот, на странице у этой Стеши Сотниковой уйма совместных фотографий с Тимуром! То они вместе лежат на пляже, то по лесу гуляют, то на каком-то торжественном мероприятии шампанским чокаются...

Нет, это не может быть иллюзией. Они действительно вместе. Вот только почему Алаев скрывает от меня сей факт? Не хочет, чтобы я совала нос в его дела? Или этому есть какое-то другое объяснение?

– Пей, – подаю ему кофе и чуть дольше положенного задерживаю на нем взгляд.

Красивый, как голливудский актер, сошедший с глянцевого обложки. Повзрослевший, возмужавший, но все такой же неприступный и загадочный. Я по-прежнему понятия не имею, что у него в голове. Чем он дышит? Что чувствует? Душа и помыслы этого человека надежно сокрыты за стеной непроницаемости, и я, как и раньше, тщетно бьюсь об нее лбом.

Только бы выстоять в этот раз. Только бы не провалиться в бездну.

– Ой, Тимур, ты еще тут? – на кухне показывается мама, развеивая незримое напряжение.

– Может, ты голоден? Поужинаешь?

– Нет, я уже уйду, – он осушает чашку и поднимается на ноги. – Спасибо за кофе, Лер.

– Ага, – киваю, делая вид, что увлечена загрузкой посудомойки.

Провожать его намеренно не иду. Незачем это, правда? И нервы целее, и сахар не скачет, и сердце ровнее бьется. Мама и сама прекрасно справится. А мне вон, на кухне прибраться надо...

Глава 8

Анвар Эльдарович умирает спустя два дня. Уходит из жизни ночью. Тихо и никого не потревожив.

Печальная весть настигает меня с утра и вводит в кратковременный ступор. Первые полчаса я просто сижу в своей комнате и потрясенно пялюсь в одну точку. Думаю, перевариваю и никак не могу смириться.

Потом приходят слезы. Горькие, горячие, выжигающие нутро ядовитыми болезненными судорогами. Я впервые близко и всерьез сталкиваюсь с реальной смертью. И меня изрядно штормит.

Папа умер, когда я была совсем маленькой, поэтому я практически не почувствовала утраты. В детстве столь трагичные события проходят как бы по касательной, не оставляя на душе шрамов.

Во взрослом же состоянии смерть воспринимается донельзя остро. Она пугает. Выбивает почву из-под ног. Заставляет усомниться в справедливости бытия.

По мусульманским канонам хоронить умерших принято в день смерти. Поэтому с восходом солнца в доме воцаряется траурная суэта: туда-сюда ходят мужчины в длинных одеяниях и тюбетейках, а из комнаты покойного доносятся молитвы на арабском языке.

В первой половине дня я вижу маму лишь мельком. Она выглядит измученной и глубоко несчастной, но, в целом, держится неплохо. Вероятно, потому что с головой погружается в похоронные хлопоты. Ведь задача достойно проводить Анвара Эльдаровича в последний путь лежит на ее плечах.

Отвлекая маму от разговора с муллой и тихо интересуюсь, сообщили ли Тимуру о смерти отца. Она коротко кивает. Мол, да, он в курсе. Скорее всего, подъедет уже на кладбище.

Когда процедуры омовения и чтения молитв остаются позади, тело усопшего выносят из дома и загружают в катафалк. Удивительно, но мусульман не наряжают в одежду и хоронят без гроба. Последнее одеяние умершего представляет собой несколько кусков белой ткани, называемых саван. По словам муллы, тело должно касаться земли, так как человеческая плоть создана из нее и должна в нее же возвратиться.

На кладбище я отправляюсь вместе с Борисом, моим бывшим личным водителем. Едем молча, хоть и не виделись много лет. Обсуждать повседневные дела в текущих обстоятельствах кажется каким-то кощунством, поэтому мы просто растворяемся в тишине. Даже радио не включаем.

Когда прибываем к нужному месту, я слегка теряюсь. Как-то не ожидала увидеть такое огромное скопление народу. Хотя, если поразмыслить, это в общем-то логично. Анвар Эльдарович был выдающейся личностью и публичным человеком, поэтому нет ничего удивительно, что столько людей захотели с ним проститься.

Траурный флер дня отражается даже на погоде. Еще вчера на дворе стояло лето, а сегодня она по-осеннему грустная. Небо мрачно хмурится. Пепельно-серые прожилки облаков рассекают высь. Неуютный прохладный ветерок лохматит волосы и треплет листву на деревьях. Зябко. Как внутри, так и снаружи.

Скольжу взглядом по толпам незнакомых лиц и ловлю себя на мысли, что ищу среди них одно. Вполне конкретное. Смуглое, с широким волевым подбородком и резко очерченными скулами.

Но Тимура нигде не видно. Может, он еще не приехал?

Отвлекаясь на паркующийся неподалеку катафалк и на какое-то время забывая об Алаеве. Слушаю наставления мамы и обмениваюсь вежливыми фразами с людьми, которые пришли почтить память Анвара Эльдаровича.

Я принимаю соболезнования какой-то пожилой тучной дамы, когда на парковку, привлекая всеобщее внимание, заезжает большой тонированный внедорожник. Тимур выходит наружу и, захлопнув дверь, застегивает пиджак на пуговицу. Он одет с иголочки, а лицо по обыкновению лишено всяких эмоций. Там нет ни скорби, ни горя, ни даже печали... Вообще ничего. Абсолютная бесстрастность.

Похоже, Алаев снова спрятался от мира за маской наносного равнодушия. И одному богу известно, что творится под ней.

К Тимуру тут же подтягиваются люди. Он выслушивает слова сочувствия практически молча. Лишь изредка расщедривается на кивки и сухое «спасибо».

В какой-то момент Алаев вскидывает голову, оценивая окружающую обстановку, и наши взгляды пересекаются. Я слушаю, если скажу, что не ждала этого. Ждала. Намеренно следила за каждым его шагом.

Как ни странно, Тимур не спешит отводить взор. Несколько непростительно коротких секунд он смотрит мне в глаза. Напряженно. Многозначительно. Так, словно хочет что-то сказать. Выплеснуть тяготящее и наболевшее. Поделиться чем-то важным...

Но затем к нему кто-то обращается, и магия зрительного контакта рассеивается.

Разочарованно выдыхаю и вновь возвращаюсь к реальности. Поправляю платок, покрывающий волосы, и озираюсь по сторонам. Траурная процессия постепенно вытягивается линией и движется по направлению к кладбищу. Мужчины идут спереди, женщины – сзади.

Вообще-то в исламской культуре присутствие представительниц слабого пола на похоронах не приветствуется. Но мама с Анваром Эльдаровичем заранее обсудили этот момент с муллой и получили своего рода разрешение. Главное условие – вести себя спокойно. Не плакать навзрыд и уж тем более не кричать. По словам священнослужителя, бурные страдания на кладбище крайне нежелательны.

Я знаю, что маме, воспитанной в христианских устоях, нелегко мириться с мусульманскими традициями. После омовения ей даже не позволили коснуться тела Анвара Эльдаровича в последний раз. Да и сейчас она идет не рядом с ним, а плетется почти в самом хвосте колонны вместе со мной.

Но, несмотря на вполне естественный внутренний протест, мама держит свое мнение при себе. Не перечит и не пытается сделать все по-своему. Говорит, что уважение к религии любимого человека есть продолжение уважения к нему самому.

Ритуал захоронения начинается с молитвы. Мулла зачитывает суры Корана, а после опускания тела в яму первым бросает туда комок земли. Дальше – очередь Тимура, который стоит почти у самого края и неотрывно глядит в могилу отца.

Он медленно наклоняется и собирает в ладонь черную горсть. Кидает и загребает еще одну. Такое чувство, что Алаев не замечает тихо скорбящих вокруг людей, не слышит протяжных молитв. Он погружен глубоко в себя. Его немигающий взгляд кажется пустым и стеклянным. Даже как-то страшно... Будто он вообще не здесь, не с нами. Присутствует лишь физически, а душа ушла куда-то далеко...

Опрокинув в могилу третью горсть, Тимур распрямляется, и я с щемящим сердцем замечаю у него на щеке влажную дорожку. Одну единственную. Тонкую. Похожую на серебрящуюся нить.

Алаев отходит назад, уступая место следующему желающему бросить землю в могилу. А потом и вовсе теряется в толпе, напрочь пропадая из виду.

Глава 9

Поминки проходят скромно, почти в полной тишине. И Тимур на них не присутствует.

Мама, сидящая рядом, то и дело спрашивает, где он, но я лишь растерянно пожимаю плечами. На телефонные звонки Алаев не отвечает, сообщения игнорирует. С тех пор, как он кинул землю в могилу Анвара Эльдаровича, я больше его не видела. Да и никто, судя по приглушенным шепоткам, не видел. Очевидно, он уехал сразу после этого.

Примерно спустя час присутствующие расходятся, и мама, весь день находящаяся в жесточайшем моральном напряжении, наконец расслабляется. Шумно всхлипнув, стягивает с волос белый платок, валится на кровать и наконец дает волю слезам.

Она плачет горько, навзрыд, растирая влагу по лицу, но я не порываюсь ее успокаивать. Не говорю, что все будет хорошо. В ближайшие дни – точно не будет. Боль утраты сгладит только время, а моя задача – просто быть рядом. Просто держать ее за руку и контейнировать непереносимые чувства.

– А как же Тимур? – жалобно тянет мама. – Я думала, он останется с нами... Неужели он сейчас совсем один?

– Ну что ты? – успокаиваю ее я. – Наверняка он с друзьями. Или с девушкой.

А в голове надрывно пульсирует: «А вдруг и правда один?».

– Я так волнуюсь, – продолжает она. – Может, нам стоит к нему съездить? Проведать, как она там? На кладбище он казался таким подавленным...

– Думаю, сейчас нам всем нужно отдохнуть, – отзываюсь я, поглаживая ее по плечу.

Видю, что она без сил. Похоронные хлопоты и горе ее вконец измотали.

Мама бормочет что-то еще. Про Анвара Эльдаровича, про Тимура, про моральный долг. А потом прерывается практически на полуслове и проваливается в глубокий вязкий сон.

Накрываю ее пледом и осторожно сползаю с кровати. По-хорошему мне тоже следует отправиться в объятия Морфея, но чутье подсказывает, что сегодня я вряд ли усну. Тяжесть прожитого дня, смешанная с беспокойством за Алаева, хлещет по нервам, словно кнут по натянутой коже.

Тревога нарастает. Липкой черной массой заполняет сердце и голову. Ни о чем другом думать уже не получается.

Беру телефон и уже в сотый раз за вечер набираю Тимура. Абонент не абонент.

Черт, да что же с ним такое?!

Одно предположение хуже другого. Надеюсь, он там не счеты с жизнью сводит? Нет, это, конечно, очень маловероятно, но расшалившаяся фантазия так и покидывает страшные картинки, где бездыханное тело Тимура по утрам находят в реке...

Даже представит не могу, что чувствует человек, похоронивший родителя. Должно быть, нечто совершенно ужасное. Какие бы отношения ни связывали отца и сына, они были родными людьми. А теперь Тимур совсем один. Круглый сирота в неполные двадцать четыре.

Устало потеряв виски, подхожу к туалетному столику и достаю из выдвижного ящика мамину записную книжку. Сколько себя помню, родительница всегда хранит важную информацию в ней.

Так-так... Телефоны друзей, пин-коды от банковских карт, пароли от соцсетей... А вот и нужная страница: адреса родственников. Быстро фотографирую клочок бумаги, на котором записан адрес Алаева и прячу телефон обратно в карман. Затем царапаю записку о том, что поехала проведать Тимура, и оставляю ее на маминой подушке.

Собираюсь спешно. На переодевания нет времени. Просто хватаю дамскую сумку и, вызвав такси, вылетаю из дома. Машина приезжает быстро и, оказавшись в теплом салоне, я слегка размякаю под звуки убаюкивающего русского шансона.

– Девушка, мы на месте, – голос водителя выдергивает меня из дремоты. – Дальше не проехать – шлагбаум.

– Ага, спасибо, – толкаю дверь и шагаю в вечернюю прохладу. – До свидания.

Тимур живет в элитном районе новостроек. В глянцевых небоскребах отражается свет уличных фонарей, дворы ухоженные, клумбы пестрят цветами. Милое местечко, хоть и, на мой взгляд, чересчур урбанизированное.

Заглядываю в телефон, сверяясь с адресом, и двигаюсь в сторону третьего подъезда. А пока иду, на меня волнами накатывает панический страх. Что я скажу, если с Тимуром все в порядке? Если он просто сидит дома и грустит в объятиях своей девушки?

Блин! Я так торопилась, что не продумала план действий. Совершенно не хочется выставить себя душой, но, кажется, придется рискнуть. Ну не ехать же обратно в самом деле? Просто удостоверюсь, что Алаев жив, здоров, и тут же исчезну.

Пока я собираюсь с духом, чтобы позвонить в домофон, дверь распаивается и из глубины подъезда показывается мужчина со здоровенным лабрадором. Пользуясь случаем, ныряю внутрь и вызываю лифт.

Еду наверх и взволнованно покусываю ногти. Если честно, сейчас я не уверена, чего хочу больше: чтобы Тимур крепился в компании своей телеведущей или же страдал в одиночестве. Разумеется, с точки зрения разума первый вариант наиболее предпочтителен, но вот с точки зрения чувств...

Так. Хватит. Лучше об этом не думать. Я приехала с одной единственной целью – убедиться, что с Тимуром все хорошо. Это и есть тот самый моральный долг, о котором говорила мама.

На несколько секунд замираю перед нужной дверью, а затем решительно выжимаю кнопку звонка. Была не была, как говорится.

Ожидание щекочет нервы. Грудь – барабан, мысли – врассыпную, в животе – адреналиновые спазмы. Снова звоню в дверь и зачем-то припадаю к глазку, хотя заранее знаю, что ничего не увижу.

Похоже, бессмысленные действия – сегодня мой конек. Судя по всему, Тимура вообще нет дома. По ту сторону двери – абсолютная тишина. Ни шагов, ни голосов.

Выругавшись, плетусь обратно к лифтам, и в этот самый миг слуха касается какое-то невнятное копошение. Прислушиваюсь. Нет, не померещилось. Там точно кто-то есть.

Подлетаю к двери и колочу по ней.

– Тимур, это я! Лера! – повышаю голос. – Открой, пожалуйста!

Копошение становится громче, а затем я слышу скрежет замка. Дверь открывается, и передо мной предстает Алаев. Помятый, разбитый, мрачный. В одних лишь низко сидящих брюках и стаканом янтарной жидкости в руке.

Окидываю его беглым взглядом и хрипло спрашиваю:

– Ты один? Мне можно войти?

– Входи, – отвечает негромко.

А затем пошире распаивает дверь и отступает вглубь квартиры.

Глава 10

Алаев скрывается в одной из дальних комнат, а я тем временем прохожу в зал, который объединен с кухней, и осматриваюсь. Тут красиво: просторное помещение, минималистичный дизайн в стиле лофт. Кирпичная стена хорошо сочетается с серыми шторами, а темно-коричневый диван из замши придает комнате уюта.

– У тебя классно, – заявляю сразу, как только Тимур возвращается. – Очень стильный интерьер.

Теперь, помимо брюк, на нем еще белая футболка, которая, впрочем, почти не скрывает впечатляющего рельефа его тела.

– Спасибо, – отзывается он, складывая руки на груди. – Чем обязан столь внезапному визиту?

Пока придумываю вразумительный ответ, цепляюсь взглядом за полупустую бутылку виски, стоящую на барной стойке. Теперь понятно, что было у Алаева в стакане. Решил утопить боль в алкоголе? Что ж, не худший метод. Хотя и краткосрочный, конечно.

– Знаешь, я... Я хотела узнать, как ты, – решаю озвучить истинную причину. – Ты не пришел на поминки и не отвечал на телефонные звонки. Мы с мамой очень беспокоились.

– Как трогательно, – вопреки обыкновению, в голосе Тимура нет сарказма. – Но со мной все нормально. Я просто устал от общества чужих людей и захотел побыть один.

– Вот оно как. А я уже напридумывала себе всякого, – усмехаюсь, подавляя неловкость. – Ну тогда я пойду, да? Не хочется тебе мешать...

Моя миссия выполнена: информация о состоянии Тимура получена. Он цел и невредим. Вены себе не режет, белугой не воет. Выглядит, естественно, безрадостно, но в текущих обстоятельствах и не может быть иначе.

– Виски будешь? – проигнорировав мою реплику, он берет бутылку и наполняет ее содержимым второй бокал.

– Нет, – мотаю головой. – Я, пожалуй, воздержусь.

– Брось. Выпей со мной, – кинув в бокал пару кубиков льда, Алаев приближается и протягивает его мне. – Это старый добрый Джек. С него практически нет похмелья.

– Ты же хотел побыть один, – напоминаю я, принимая напиток из его рук.

– Твоя компания мне не в тягость, – он пристально наблюдает за тем, как я мелкими глотками цежу терпкую горечь. – Я рад, что ты пришла.

Его слова вгоняют в ступор. Все никак не привыкну, что повзрослевший Тимур не кусается, не атакует, не причиняет боль. Находясь рядом с ним, рефлекторно хочется обороняться. Вот только теперь в обороне нет никакой необходимости.

– Я думала, я тебя раздражаю.

Дабы замаскировать смущение, осторожно вращаю бокал и наблюдаю за бултыханием золотистой жидкости.

– Да. Раньше так и было, – Тимур садится на диван.

– А сейчас? – осмелившись, бросаю на него очередной косой взгляд.

– Сейчас уже нет.

Раз поймав, Алаев цепко держит мое внимание. Не позволяет отвести глаза в сторону или моргнуть. Я словно попала под гипноз. Вот вроде понимаю, что мое пребывание здесь неуместно и гляделки эти слишком провокационны... Но ничего поделать с собой не могу. Добровольно тону в омуте его пронизывающего до костей взора.

Он просто смотрит, а я уже трепещу. Как струна в умелых руках арфиста.

– Ну как ты вообще? Если по-честному, – поддавшись порыву, делаю несколько робких шагов и сажусь рядом. На самый краешек дивана.

На этот раз я не приму дежурного «нормально», и, кажется, Тимур это понимает. Потому что не спешит повторять свой прошлый ответ.

Он проводит ладонью по лицу и морщится, словно от зубной боли. Затем выпускает скопившийся в легких воздух через нос и хрипло произносит:

– Если по-честному, то хреново, Лер. Максимально хреново.

– Ну вот, – вздохнув, снова делаю глоток. – Это уже похоже на правду.

– В нашу последнюю встречу отец столько всего сказал... Черт, я полжизни ждал этих слов, а когда наконец услышал, знаешь, что почувствовал?

– Что?

– Что меня уже давно отпустило. Что и обиды-то как таковой нет, и поступки его стали в разы понятней, – задумавшись, Тимур проводит кончиком языка по нижней губе. – По малолетке ведь все черно-белым кажется, а потом вроде как прозреваешь, другие цвета начинаешь замечать... У тебя было такое?

– Да, было, – отвечаю я, как ни странно, вспоминая наше с ним прошлое.

– Когда мать умерла, отец виделся мне исчадием ада. Стремно признаваться, но я реально его ненавидел. Первые годы – особенно сильно, а потом это как-то незаметно вошло в привычку. Мол, батя у меня говнюк, а я весь из себя такой молодец, – он отхлебывает виски и продолжает. – Но проблема в том, что батя у меня в общем-то нормальный. Обычный мужик со своими законами и слабостями. Такой же, как и я, в сущности. Да, он никогда не тянул на идеал... Но идеалы ведь для того и нужны, чтобы оставаться недостижимыми.

– Так и есть, – поддакиваю я, боясь спугнуть нечаянный поток его откровений.

– С матерью он обошелся паршиво, это факт, – глядя в потолок, Алаев ненадолго замолкает, – но кто я такой, чтобы судить, верно? У самого рыло не раз и не два в пуху.

– Никогда не осуждайте человека, пока не пройдете долгий путь в его ботинках, – вставляю я, вслед за Тимуром устремляя взор в потолок.

– Хорошо сказала.

– Это не я.

– А кто?

– Лао-цзы.

– Хм, – слышу усмешку. – Этого следовало ожидать.

– Тимур, скажи, а ты успел озвучить эти мысли отцу? Уходя в мир иной, он знал, что ты больше не держишь на него зла?

– Да, мы попросили друг у друга прощения. За все. Только вот почему-то от этого не легче, – Алаев осушает свой бокал и с шумом ставит его на журнальный столик. – И бухло ни хрена не помогает.

– Я могу что-то для тебя сделать? – сердце ноет от сострадания, а пальцы с силой впиваются в обивку. – Что угодно.

– Ты уже делаешь, – он откидывает голову на спинку дивана и неожиданно улыбается.

– Что? – тушуюсь. – О чем ты?

Алаев снова скользит по мне взглядом. Причем так, будто видит впервые. Внимательно, изучающе, с живым интересом. Фокусируется на глазах, потом задерживается на губах и, плавно скатившись по шее, застывает на груди.

Запоздало вспоминаю, что на мне нет лифчика. Сняла его, когда гости ушли, а потом забыла надеть.

Вот ужас! А что, если соски выдадут мое напряжение?!

– Замерзла? – спрашивает Тимур, подтверждая худшие опасения.

– Эм... Нет, просто, – опускаю глаза и замечаю, что соски действительно затвердели и вызывающе торчат из-под блузки, – у меня такая анатомическая особенность.

Спешу скрестить руки на груди, дабы прикрыть срам.

– Ясно, – на его губах цветет дьявольская ухмылка. – А я думал, ты на меня так реагируешь.

– С чего мне на тебя *так* реагировать? – издаю нервный смешок.

– Не знаю. Мало ли.

Тимур вдруг резко подается вперед и замирает буквально в десяти сантиметрах от моего лица. Он так близко, что я могу разглядеть щетину, пробивающуюся на подбородке, и желтоватые крапинки на темно-коричневой радужке его глаз.

– Я не запираю тебя тогда, Лер, – обжигает щеки горячим шепотом. – Я вообще понятия не имел, где ты. Клянусь.

Его неожиданное признание подобно цунами. Оно грубо встряхивает привычный мир и рушит парадигмы, на которых много лет базировалась моя жизнь.

– Тогда кто это сделал? – лепечу я, растерявшись. – Ведь больше некому...

– Веро. Это ее рук дело, – его дыхание мурашками оседает на моей коже.

– Но... Зачем?

– Ревность, – отвечает просто. – И желание устранить соперницу.

– Ну какая же я ей соперница, Тимур? Я ведь...

Договорить не успеваю. Губы схватываются влажным жаром жадного поцелуя. Он лишает рассудка и порабощает волю. Сминает все на своем пути. Оставляет лишь осколки звенящей нежности и пламя безудержной страсти.

Мы вспыхиваем мгновенно. Как порох. Тимур толкается в меня языком и грудью, опрокидывая на диван. От чересчур резкого движения стакан выскальзывает из моих рук, а его содержимое выплескивается на обивку и одежду. Однако нам нет до этого дела. Мы слишком погружены в момент.

Тимур сверху, я – под ним. Снова. Прямо как пять лет назад.

По венам шаршит адреналином и удовольствием. Обезумевшее сердце подскакивает к горлу, а низ живота пронзает тягучими пульсациями. Так ощущается высшая степень сексуального возбуждения, и мне немного странно, что я достигла ее так быстро... За считанные секунды, в сущности. Хотя раньше на это требовалось минимум минут десять...

Тимур покусывает мочку моего уха и что-то невнятно бормочет. Смысла его слов я не улавливаю, сознания достигают лишь бессвязные обрывки фраз и мое собственное имя «Лера, Лера, Лера». Он вновь повторяет его. Словно мантру. Словно самый приятный на свете звук.

Тотально растворяясь в настоящем, цепляю пальцами края его футболки и тяну вверх. Тимур слегка отстраняется, помогая мне избавиться от ненужного клочка одежды, и у меня наконец появляется возможность чуть лучше его рассмотреть. Широкая, высоко вздымающаяся грудь, кубики, тонкая волосаная дорожка, тянущаяся от пупка и ныряющая под линию ремня – Алаев преступно привлекателен. Как юный бог. Как главный герой эротических фильмов.

Расширяю глаза и неосознанно облизываю губы.

– Ты нереальный, – сиплю я, проводя пальцами по его животу.

Усмехается.

Не верит? Или слышит это слишком часто? Уверена, каждая первая девушка в его постели говорит нечто подобное.

– Это ты нереальная, Лер, – Тимур нависает надо мной, обдавая теплом своего тела, и с нежностью смотрит в глаза. – Я почти шесть лет о тебе мечтаю, а ты все никак не сбудешься.

Ну что, готовы к горяченькому?)))

Татьяна Никандрова, 2023

Данное произведение подлежит защите авторских прав

[Гражданский кодекс РФ] [Глава 70] [Статья 1271]

Глава 11

Признание Тимура начисто сносит крышу. Если до этого во мне и оставались какие-то капли здравого смысла, то после слов о том, что он мечтал обо мне, они мгновенно испаряются. Разум капитулирует под натиском гормонов. Порочный туман заволакивает голову. Инстинкты обостряются.

Это как вскрыть ящик Пандоры. Один шаг – и пути назад не существует. Необратимая реакция. Невероятная глубина.

Не щадя моих чувств, Алаев жалит меня поцелуями, истязает ласками. Кусает шею, а через мгновение сам же зализывает соленую ранку. Так приятно... Так умопомрачительно хорошо! С губ слетают страстные вздохи, а руки исследуют сантиметры его горячей кожи: поясница, лопатки, плечи... Все такое сильное и рельефное. Аж дух захватывает!

– Что это? – расстегнув мне блузку, Тимур замирает и вопросительно косится на мой живот.

– А? – приподнимаюсь на локтях и ловлю направление его взгляда. – Ах, это, – поджимаю губы, жалея, что не предупредила его раньше. – Это помпа. Она непрерывно подает инсулин. Погоди, я сейчас сниму.

Привычным движением отсоединяю катетер и откладываю небольшое устройство на стол.

– Ты уверена, что можно снимать? – Тимур вскидывает недоверчивый взор.

– Конечно, – улыбаюсь. – Я уже три года с помпой. Все под контролем, не переживай.

Слегка напрягшись, внимательно наблюдаю за мимикой Алаева. Боюсь увидеть в его лице отвращение или брезгливость, ведь, как правило, такие вещи шокируют неподготовленных людей. Но, к счастью, ни того, ни другого не наблюдается. Парень совершенно не выглядит напуганным. Да и отодвигаться от меня не спешит.

Наоборот, наклоняется чуть ниже и осторожно, едва касаясь, проводит пальцем по пластырю, под которым закреплена канюля. Его движение такое ласковое, такое нежное и нежное, что мои веки вновь невольно закрываются.

– Больно? – спрашивает тихо.

– Нет, – мотаю головой. – Приятно.

Его губы опускаются на мой пупок. По телу вновь прокатывается волна возбуждения, и я невольно пытаюсь свести ноги, меж которыми пристроился Тимур.

– О... Боже... – вылетает из меня, пока обжигающее дыхание скользит по животу и ребрам. – Продолжай! – молю я, когда его язык достигает полушария груди и замирает в жалком сантиметре от напряженного соска. – Пожалуйста, Тимур, не останавливайся...

Сжалившись, он дает мне то, о чем я прошу. Обводит языком трепещущую ореолу и сладко присасывается к коже, вызывая во мне целую феерию ярких чувств. Запускаю пальцы в его волосы и яростно их сжимаю. Эмоций так много, что я стремительно теряю контроль. Над голосом, над телом, над собственными реакциями. Кричу слишком громко, слишком сильно сдавливаю его спину коленями, слишком часто дышу...

Я не замечаю, как Тимур отшвыривает мою блузку и избавляет меня от брюк. В его руках я таю, как снег по весне. Теряю твердость. Лужицей растекаюсь. Всего пара секунд – и вот я уже обнажена. На мне лишь тонкие кружевные трусики. На нем – недвусмысленно топорщащиеся брюки.

– Ты веришь мне? – интересуется севшим от возбуждения голосом.

Я не знаю, о чем он говорит: о своей невинности и вине его бывшей девушки или о том, что случится прямо сейчас, но отвечаю единственно возможным:

– Верю.

И это правда. По обоим пунктам.

Хватаю пряжку его ремня и тяну на себя. Пальцы не слушаются. По коже бежит дрожь. Ремень Алаева не поддается, и я, изнывая от желания, приподнимаю таз и начинаю тереться своей промежностью об его вздымающийся пах. Даже через ткань ощущения запредельно острые.

Прямо током по голым нервам. Дофамином по мозгам.

– Помоги мне, – хнычу я.

– Сука... – сквозь зубы шипит Алаев, гневаясь на свою капризную пряжку.

Размашистым движением он натягивает кончик ремня, а затем наконец расстегивает его. Пара ловких манипуляций – и брюки летят на пол, еще одна – и боксеры Тимура присоединяются к ним.

На секунду у меня перехватывает дыхание. Потому что это *он*. Потому что я столько раз представляла *его* обнаженным. Фантазировала, каково это чувствовать на себе тяжесть *его* тела, ощущать *его* твердь между ног...

Стыдно признаться... Хотя нет, сейчас уже не стыдно: Тимур был моей первой влажной мечтой. Первой и несбывшейся. Глупо отрицать, нас всегда тянуло друг к другу. На самом низменном, животном уровне. Он хотел меня, я хотела его, но обстоятельства были против нас.

Однако сейчас запретный плод лежит на блюдечке.

Протяни руку, возьми. Нырни в желанную бездну. И будь что будет.

Там Тимур тоже очень красивый. Эстетика четких линий завораживает. Упругие изгибы чаруют. Хочется поставить миг на паузу и как следует налюбоваться им. Молодым. Сильным. Полным неумолимой мужской энергии.

Однако вдоволь насладиться видом не выходит. Алаев снова накрывает меня собой и, опершись на локти, цепляет мой взгляд своим, диким и пылающим. В его карих глазах мерцают искры, в моих – наверняка читается нетерпение. Я так хочу, чтобы мы стали одним целым, что готова умолять его об этом. Плакать, пищать, царапать его спину ногтями – делать все, лишь бы поскорее почувствовать наполненность...

– Хочу тебя, – из моего рта вырывается хриплый стон.

Приподнимаю голову и кусаю его губы. Краду еще один бешеный, невысказанный по энергетической мощи поцелуй. Переплетаем языки, ударяемся зубами, глухо стонем друг другу в рот... Больше. Сильнее. Ближе. Сил на сопротивление уже нет. Звонящий грохот затягивает слух. Красная пелена похоти застилает взор.

Ни имени своего не помню, ни себя. Полное забвение. Тотальное расщепление в моменте. На сотни, тысячи вибрирующих кусочков...

– Тимур, прошу...

Качнувшись вперед, Алаев двигает бедрами и входит в меня до основания. Тело прошибает ток. Позвоночник выгибается дугой. От головы до пят прокатывается такой мощный импульс, что нервные окончания воспаляются до ощущения покалывания.

Хватаю ртом воздух, пытаюсь осознать себя во времени и пространстве, но ничего не получается. Меня неумолимо смывает с берегов реальности. Глаза закатываются, дыхание тяжелеет, животное упрямо вытесняет человеческое...

Не отрывая взгляда от моего лица, Тимур продолжает ритмичные толчки. Смотрит пылко и внимательно. Впитывает мои эмоции, не пропуская не единой. Ума не приложу, как ему удастся оставаться таким сосредоточенным...

– Охренеть, какая ты горячая, – замедлив темп, Алаев проводит пальцем по моей нижней губе, слегка сдвигая ее в сторону.

Он намеренно меня дразнит. Знает, что я на грани, и специально мучает.

– Еще, – хриплю, царапая щетину на его щеках.

Он медлит, а я от переизбытка желания принимаюсь сама елозить задом по дивану.

– Громче, – командует он, а затем легонько шлепает меня по груди.

Совсем не больно. Но чертовски пошло.

– Еще! – выкрикиваю, жмурясь.

– Громче, Лера! – раздается у самого уха. – Я хочу слышать, как ты кончаешь.

Тимур разрывает мой кокон. Глушит стеснение. Окончательно избавляет от комплексов. Я никогда не была зажатой в сексе, но сейчас для меня открылась какая-то новая грань... Истинное раскрепощение. Полное доверие партнеру.

Алаев вновь наращивает темп, а я крепче обхватываю его ногами и скрещиваю их у него на пояснице. В груди зарождается пылающий шар. Огненной лавой он стекает по ребрам в самый низ живота, а затем взрывается, распуская по телу мириады частиц удовольствия.

Ноги подрагивают в неконтролируемом треморе. Сердце рвется прочь.

Оргазм настолько сильный, что буквально на секунду я слепну. Перед глазами только белые блики и больше ничего.

Офигеть... Неужели так вообще бывает?

Тимур сдавленно матерится, а через мгновение выскальзывает наружу и обдает горячими струями мой живот.

Зрение постепенно возвращается, и я наконец могу видеть его. До одури привлекательного, запыхавшегося, с капельками пота на лбу. Опускаю взгляд чуть ниже и разглядываю наши разгоряченные тела.

Мы сочетаемся. Как кофе с молоком. Тимур – смуглый, а я – светлая.

Он заваливается набок и, накрыв ладонью мою грудь, закрывается носом куда-то мне в висок. Молчит. Но я и не жду от него слов. Сейчас они совершенно лишние.

Глава 12

Ужасно, но мысли о Лиаме посещают меня только утром. Причем вовсе не тогда, когда робкие рассветные лучи заползают в комнату и щекочут веки. И даже не в тот момент, когда я начинаю плавно пробуждаться, потягиваясь и нежась в еще не схлынувшей эйфории минувшей ночи.

А тогда, когда, нарушая ленивую утреннюю тишину, у меня звонит мобильник.

Распахиваю глаза, и реальность обваливается на меня, подобно каменной лавине. Квартира Тимура, залитая солнцем. Наши вещи, небрежно разбросанные по полу. И сам Тимур рядом. Спящий. Совершенно обнаженный.

От затылка к пояснице прокатывается цепенящая волна стыда.

Господи! Что же я натворила?! Тело Анвара Эльдаровича лишь вчера предали земле, а я уже успела соблазнить его скорбящего сына! Я отвратительный, гадкий человек!

Телефон продолжает надрываться, и я вынырываю из омута самобичевания. Свешиваю ноги дивана, и левая ступня приземляется на что-то мокрое. Черт! Виски! Ведь вчера мы так и не удосужились протереть пол... А теперь все липкое, влажное... Фу!

Поморщившись, иду по направлению к своей сумочке и чуть не роняю инсулиновую помпу, которую я подсоединила ночью и положила рядом с собой. Обычно во время сна я цепляю ее на нижнее белье или на пижамные штаны, но сейчас на мне нет ни того, ни другого. Как и Тимур, я абсолютно голая. Даже трусы не удосужилась натянуть!

Такой срам...

К тому моменту, как мне удастся извлечь мобильник из сумочки, он уже перестает звонить. Смотрю на экран и холодею. Четыре пропущенных от Лиама. От мамы, к счастью, только смс с вопросом, когда я вернусь домой.

Делаю глубокий вдох и медленный выдох. Четыре пропущенных – это много. Почему Лиам столько раз звонил? Обычно он не из тех, кто неугомонно трезвонит. Может, почувствовал что-то неладное?

Умом понимаю, что нужно перезвонить парню как можно скорее, но страх перед неловким разговором стопорит. Что мне ему сказать? Я сейчас в таком раздрае... Мысли воедино не соберу.

Пока я бесцельно тыкаюсь из приложения в приложение, малодушно оттягивая роковой момент истины, звонок повторяется. Очевидно, Лиам всерьез настроен на диалог. И пока не дозвонится, не успокоится.

– Привет, дорогой, – пишу я, прикладывая трубку к уху.

Затем осознаю, что могу разбудить Тимура, и на цыпочках крадусь на кухню.

– Лера! – голос Лиама звучит чуть выше обычного. Он то ли рассержен, то ли просто взволнован. – Лера, с тобой все хорошо?

– Да, я спала... Извини, не слышала, как ты звонил.

Говорю я вроде бы довольно ровно, а вот лицо все равно кривится в гримасе смущения. Да и руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Терпеть не могу врать! Да еще так напропалую...

– Как прошли похороны твоего отчима? Ты обещала позвонить после того, как освободишься...

– Прости, замоталась, – снова морщусь. – Похороны прошли нормально... Ну, то есть без эксцессов.

– Как ты себя чувствуешь? Сахар в порядке? – продолжает беспокоиться он.

– Да-да, в порядке, – отзываюсь я, с ужасом осознавая, что уже давно не контролировала свое состояние.

На руке у меня закреплен ультрасовременный датчик мониторинга глюкозы, который передает данные на помпу и, исходя из этого, она сама рассчитывает необходимую дозу инсулина. От меня требуется только вносить предполагаемое количество углеводов. Механика, конечно, очень удобная, но я все же предпочитаю следить за процессом. Так спокойнее.

– Ну ладно, – Лиам выдыхает. – А то я что-то прям так разнервничался... Вечером не позвонила. Утром трубку не берешь... Пока не известно, когда ты сможешь вернуться в Цюрих?

– Эм... Еще нет. Есть некоторые формальности, которые надо уладить... И на это потребуется время, – максимально уклончиво отвечаю я.

Лиам ничего не знает про возможное наследство. И уж, конечно, не подозревает о моих запутанных отношениях со сводным братом.

Блин... Вот это я влипла! С тех пор, как я прилетала в Россию, и месяца не прошло, а у меня уже куча тайн от любимого человека!

Это дико и не поддается логике, но каждый раз, когда я оказываюсь в поле Тимура Алаева, у меня напрочь отрубает мозги. Хваленная осознанность летит к чертям, и я превращаюсь в непроходимую дуру!

Так было раньше, пять лет назад. И так происходит сейчас.

Пока я жила в Швейцарии, моя жизнь была под контролем. Учеба, работа, стабильные отношения. За все семь месяцев, что мы с Лиамом вместе, я ни разу не заглядывалась на другого мужчину! Ни разу! По натуре я, скорее, однолюб, и краткосрочные любовные связи мне несвойственны...

Однако, когда дело касается Алаева, мои моральные принципы летят в тартарары. Я дважды изменяла, находясь в отношениях. Первый раз – Никите, второй – Лиаму. И оба раза с Тимуром!

Нездоровая закономерность, скажите?

– Ладно, – в голосе Лиам слышатся разочарование. – Я не думал, что ты уедешь так надолго. Очень скучаю по тебе, Лер.

Его слова острой бритвой проходятся по сердцу. Я не заслуживаю доброго отношения. Не заслуживаю! Если бы Лиам знал, чем я занималась прошлой ночью, он бы точно пожалел о сказанном...

Но он не знает. Потому что, как выяснилось, я та еще лгуныя.

Лживая. Лживая Лера.

– И я скучаю, мой хороший, – произношу я, преодолевая отвращение к самой себе. – Надеюсь, скоро увидимся.

Не знаю, зачем я это говорю. Наверное, просто по привычке. Ведь пока совсем не ясно, как скоро я смогу вернуться в Швейцарию. И вообще смогу ли...

– Люблю тебя, – Лиам фонтанирует нежностью. – Целую в каждую родинку. Особенно в ту, что на правой ягодице.

– И я тебя люблю. Целую в носик, – совсем не отвечать на его нежности я не могу: мешает сосущее чувство вины. А на что-то более оригинальное у меня не хватает наглости и фантазии.

Обмениваясь ласковыми словечками, мы с Лиамом прощаемся. Сбросив вызов, я бессиленно роняю телефон на широкий подоконник и подавленно прячу лицо в ладонях. А в следующую секунду за спиной раздается:

– Доброе утро, Лера.

По плечам пробегает холодок, а к щекам, наоборот, приливает удушливый жар.

Алаев слышал, как я разговаривала с Лиамом? Он знает немецкий? Или все же не понял, о чем была речь?

Снедаемая пугающими догадками, оборачиваюсь и вдруг осознаю, что на мне по-прежнему нет ни единого лоскутка одежды. В то время, как Тимур, стоящий на пороге кухни, успел натянуть трусы.

– Доброе, – хриплю я в ответ.

Не знаю, куда деть глаза. Побегав взглядом туда-сюда, фокусируюсь на хромированной ручке гарнитура. На Алаева смотреть стыдно. А еще чертовский хочется прикрыть наготу хотя бы руками, но критическое мышление подсказывает, что в свете последних событий это будет выглядеть по меньшей мере нелепо.

Еще вчера как уж на сковородке под ним извивалась, добавки выпрашивала, а сегодня типа скромница...

Нет, лучше стоять как стояла, а не разыгрывать недотрогу курам на смех.

Тимур не спешит продолжать разговор, но его пристальный взгляд жжет кожу, словно прикосновение крапивы. Я прямо на физическом уровне ощущаю, как он скользит глазами по моему телу. Исследует каждый сантиметр и молчит, демон. Молчит! Знает, что в нашей ситуации, тишина – худшая из пыток.

– Ты выпался? – мои нервы сдают первыми.

Тимур усмехается. Очевидно, моя жалкая попытка завести светскую беседу не вызывает ничего, кроме иронии.

– Да. А ты? – глядит на меня снисходительно. Будто учитель на провинившегося ученика.

– Слушай, я... Я не знаю, как правильно вести себя в данном случае, – опираюсь на подоконник и скрещиваю ноги, чтобы чувствовать себя чуть менее уязвимо, – поэтому скажу, как есть, ладно? – Алаев никак не реагирует, и я, слегка запинаясь, продолжаю. – То, что произошло вчера ночью, было ошибкой. Мы... Мы были пьяными, да? И под воздействием эмоций... В общем, я понимаю, что ни мне, ни тебе не нужны лишние проблемы, поэтому давай просто забудем об этом.

– Забудем?

Всего одно слово. Но оно рассекает воздух, подобно удару хлыста.

– Ну... Или сделаем вид, что забыли, – взволнованно покусываю губы.

Мне некомфортно. Под землю хочется провалиться.

– Ну окей. Давай забудем.

Надо быть глухой, чтобы не расслышать нотки упрека и осуждения в его голосе. Он даже не пытается их скрыть. Прямо сечет ими. Наотмашь.

– А у тебя какие-то другие предложения на этот счет? – неожиданно для самой себя завожусь.

– Ага, – бросает пренебрежительно, переключая внимание на кофемашину. – Например, можно не забывать. Быть честными. Пробовала когда-нибудь такое?

А вот и старые добрые триггеры из прошлого. Он опять надсмехается, считая себя самым умным.

– Честными? – подхватываю язвительно. – То есть ты на полном серьезе собираешься рассказать своей девушке о том, что провел ночь со мной?

Тимур замирает и медленно, очень медленно поворачивает ко мне лицо. Я вижу, что он обескуражен, и удовлетворенно продолжаю:

– Что? Ты думал, я не знаю о твоих отношениях со Стефанией Сотниковой, – имя его девушки произношу с особым смаком. – Так вот, я тебя удивлю. Я в курсе. Так что не надо на меня так смотреть!

– Как так? – он снова отворачивается к кофемашине и принимается нажимать какие-то кнопки.

– С порицанием! Будто из нас двоих только я обманщица! – выплевываю зло. – Но ты тоже не святой, Тимур! Ты тоже лжешь своей девушке!

Сотой долей трезвого ума я понимаю, чем занимаюсь в данный момент. Перекладываю вину на Алаева. Хотя очевидно, что виноваты мы оба.

Но мне так страшно нырнуть в темную бездну своих бессознательных импульсов и мотивов, что я отчаянно прячу голову в песок. Пытаюсь спихнуть ответственность на чужие плечи. Вместо того, чтобы открыто взглянуть в глаза своим потаенным желаниям и проанализировать случившееся, я попрекаю Тимура.

Это очень удобная позиция. И очень трусливая. Но по-другому сейчас я просто не могу.

Я жду, что Алаев ответит вспышкой на мою вспышку, но он до странного отстранен. Не спорит и никак не комментирует мое заявление про Стефанию.

Неужели ему настолько плевать?

– Пожалуй, тебе лучше уйти, – произносит ровно, не поднимая на меня глаз.

Вот вроде простая фраза. Вполне логичная в контексте нашего разговора. Но почему тогда мне так больно? Почему в груди печет, будто туда кислотой плеснули?

– Конечно, уйду! – отвечаю запальчиво. – Ни секунды лишней не задержусь!

Срываюсь с места и несусь в комнату, где лежат мои вещи. Трясущимися руками натягиваю на себя трусы, джинсы и блузку. Фиксирую помпу, хватаю в руки сумку и лечу в прихожую.

Каринка перед глазами трясется и размывается. Опять сахар упал? Или просто слезы? Провожу рукой по глазам – мокрые.

Ну и какого черта я, спрашивается, реву? Ведь Тимур принял мои условия. Я и дальше буду встречаться с Лиамом, он – со Стешей. Все довольны и счастливы.

Жизнь, мать ее, прекрасна!

Просовываю ноги в лоферы и, гроыхнув дверью, выбегаю из квартиры Алаева. Оказавшись на улице, открываю на телефоне приложение, синхронизированное с датчиком измерения глюкозы, и облегченно выдыхаю: сахар в норме.

Жаль, что того же нельзя сказать о моей жизни.

Глава 13

В просторном светлом кабинете нотариуса висит гнетущая атмосфера. Напряжение столь ощутимо, что его, кажется, можно даже потрогать. Стоит лишь протянуть руку, сделать щипковое движением пальцами – и отхватишь сгусток колючей вибрирующей энергии. Она витает в воздухе, забивается в ноздри и проникает внутрь через поры.

Осторожно скашиваю глаза на Тимура, который сидит чуть поодаль, и снова испытываю приступ острого разочарования. Он так и не посмотрел в мою сторону. Ни разу. Просто вошел в кабинет, кинул в воздух обезличенное «здравствуйте» и уселся на дальний стул у окна. Если бы я не знала, что Алаев заранее осведомлен о моем присутствии, то подумала бы, что он попросту меня не заметил.

Стискиваю зубы и вновь устремляю взгляд на огром

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.